

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР
МИХАЙЛОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

Александр Романов

Воспоминания в двух книгах

«Издательство Захаров»

1933

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Романов А. М.

Воспоминания в двух книгах / А. М. Романов — «Издательство
Захаров», 1933

ISBN 978-5-8159-1436-0

Великий князь Александр Михайлович, он же Сандро, дядя и ровесник царя Николая Второго, был его приятелем и шурином, женатым на великой княжне Ксении; отец шестерых сыновей и дочери Ирины, которая вышла замуж за Феликса Юсупова. Обаятельный аристократ и веселый, мудрый человек, моряк, адмирал и создатель русской военной авиации, он всех знал и всё понимал, а по образу мыслей он современнее многих из нас. В этот том включены обе книги воспоминаний великого князя. Первая книга впервые печатается здесь с восстановлением всех многочисленных купюр политического и интимного свойства, которые сделали еще русские эмигранты в Париже в 1933 году. Вторая книга, рассказывающая о годах эмиграции, переведена специально для этого издания.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-8159-1436-0

© Романов А. М., 1933
© Издательство Захаров, 1933

Содержание

От издателя	5
Книга первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	21
1	21
2	21
3	23
4	24
5	25
6	26
7	28
Глава IV	30
1	30
2	30
3	31
4	34
5	35
Глава V	38
1	38
2	38
3	39
4	42
5	43
Глава VI	46
1	46
2	47
3	48
4	50
5	51
6	52
Глава VII	54
1	54
2	55
3	56
4	58
5	62
6	63
Глава VIII	66
1	66
2	67
3	69
4	70
5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Великий князь Александр Михайлович Воспоминания в двух книгах

От издателя

Первая книга воспоминаний великого князя Александра Михайловича была издана в США в 1932 году на английском языке с таким авторским предисловием:

История последних пятидесяти бурных лет Российской империи – только фон, а не тема этой книги.

Составляя отчет о развитии великого князя, я полагался только на свою память, ибо все мои письма, дневники и другие документы были либо сожжены мною, либо конфискованы революционерами в 1917 и 1918 годах в Крыму.

Естественно, я уделяю больше места тем, кто сыграл важную роль в моей личной жизни: Императору Александру II, Императору Александру III, последнему Царю Николаю II, моей теще, вдовствующей Императрице Марии Русской, моей жене, Великой Княгине Ксении, и моим родителям и братьям. Другие – генералы, министры и государственные деятели – и так, кажется, не остались без изрядного внимания как в своих собственных мемуарах, так и в многочисленных томах, посвященных Русской Революции.

У меня нет желания вскрывать трупы, и я сделал все, чтобы мои пристрастия и предрассудки не влияли на мои суждения. На самом деле, горечи не осталось в моем сердце.

Александр, Великий Князь Русский.

Париж.

Осень 1931 года.

В 1933 году в Париже был опубликован русский текст первой книги воспоминаний со следующим предисловием «От автора»:

Моя Книга воспоминаний впервые увидела свет на английском языке в Нью-Йоркском издании Феррер и Рейнхерт.

Теперь я с удовольствием иду навстречу желанию издательства «Иллюстрированной России» познакомить с моим трудом русского читателя, предоставив право издания книги на русском языке в виде приложения к журналу в 1933 году.

Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач.

Просто в соответствии с пережитым я захотел рассказать, что память сохранила, а главное, отметить этапы того пути, который привел меня к мысли, что единственное ценное в нашей жизни это работа духа и освобождение живительных сил нашей души от всех пут материальной цивилизации и ложных идеалов.

Я верю, что после тяжелых испытаний в России зародится Царство Духа, Царство освобождения души человека.

Не может быть Голгофы без Воскресения. А более тяжелой Голгофы, чем Голгофа Великой мученицы России, мир не видел.

Будем верить в Царство Духа.

Вот что я хотел сказать моим русским читателям.

Великий Князь Александр Михайлович.

Париж.

Июнь 1932 г.

Позднее, в 1980 и 1991 годах, этот же русский текст воспоминаний публиковался еще дважды, в Париже и в Москве.

Однако сравнительный анализ английского и русского вариантов, сделанный мною при подготовке этого издания, показал:

1. Русский текст почти наверняка является переводом с английского.
2. Переводчик и/или редактор этого текста хорошо знал русскую историю, но хуже – английский язык. И еще хуже – русский!
3. В русском тексте сделаны значительные сокращения явно цензурного характера.

Вот почему в этом издании русский текст первой книги воспоминаний Александра Михайловича восстановлен по американскому изданию, а наиболее вопиющие цензурные вмешательства и другие расхождения отмечены прямо в тексте – курсивом и сносками.

Вторая книга воспоминаний великого князя публиковалась только на английском языке – в 1933 году в Нью-Йорке – и переведена на русский язык специально для этого издания.

В новом, втором издании текст еще раз сверен с оригиналом и отредактирован. Добавлено много редких фотографий.

Книга первая

Глава I

14 декабря 1825 года

Высокий, с военной выправкой человек торопливо пересек залитый дождем дворик в Таганроге около дворца и вышел на улицу.

У ворот часовой отдал ему честь, но незнакомец его не заметил. Еще миг, и высокий человек исчез во тьме ноябрьской ночи, окутавшей, словно пеленой, туманом этот южный приморский городок.

– Это кто был? – спросил сонный гвардейский капрал, возвращающийся с кругового обхода.

– Его Императорское Величество вышли на раннюю прогулку, – ответил часовой, но голос его звучал как-то неуверенно.

– Да ты с ума сошел, – напустился на него капрал, – разве ты не знаешь, что Его Величество тяжело болен, что доктора потеряли всякую надежду и ждут конца государя до рассвета?

– Оно может так, – сказал часовой, – но ни у кого другого нет таких сгорбленных плеч, как у Государя. Я его знаю ведь. Каждый день в течение трех месяцев вижу его.

Разговор замолк. Часовой опять замер на своем посту.

Несколько часов спустя глухой звон колоколов, разносясь в воздухе на далекие версты вокруг, возвестил русским людям, что император и самодержец всероссийский, победитель Наполеона, Александр I в Бозе почил.

Несколько фельдъегерей были срочно отправлены в С.-Петербург, чтобы сообщить о происшедшем правительству и законному наследнику, брату почившего царя, великому князю Константину Павловичу.

Офицеру, пользовавшемуся особым доверием, был отдан приказ доставить царские останки в столицу. В течение следующих десяти дней русский народ, затаив дыхание, смотрел на бледного, изможденного человека, сидевшего позади запечатанного гроба на траурной колеснице, которая мчалась со скоростью, напоминавшей атаку французской кавалерии. Ветераны Аустерлица, Лейпцига и Парижа, стоявшие вдоль длинного пути, в недоумении качали головами и говорили: какой странный конец царствования, не превзойденного никем великолепием и славой побед!

Правительство дало краткий приказ не выставлять тела усопшего императора для поклонения народа.

Тщетно иностранные дипломаты и придворные старались постичь причину таинственности. Спрошенные отговаривались незнанием и только разводили руками.

Но тут произошло событие, заставившее все взоры отвернуться от царского катафалка к площади Сената. Наследник престола великий князь Константин отрекся от своих прав на престол в пользу своего младшего брата Николая Павловича. Счастливого женатому морганатическим браком на польке Грудзинской Константину не захотелось променять мирную семейную жизнь в Варшаве на превратности венценосца. Он просил его не винить и выразил уверенность, что все подчинится его воле. Гробовым молчанием встретил Сенат чтение собственноручно написанного отречения великого князя Константина.

Имя нового наследника, великого князя Николая, было мало знакомо. У императора Павла I было четыре сына, и трудно было предвидеть, что красавец Александр I умрет бездетным и что мужественный Константин поразит Россию неожиданностью отречения. Будучи

на несколько лет моложе своих братьев, великий князь Николай до декабря 1825 года проходил обычную строевую карьеру, а потому лишь военные круги могли судить о способностях и характере нового императора.

Хороший и исполнительный строевой офицер, великий князь Николай привык к дисциплине и провел немало часов своей жизни в приемных высших сановников Империи. У него было много высоких качеств и никакого знакомства с государственными делами; он никогда не принимал участия в заседаниях Государственного совета. К счастью для России, он мог положиться на знания и опыт любивших родину сановников империи. Эта последняя мысль ободрила тех министров, которые отправлялись представляться юному правителю России.

Однако некоторая холодность омрачила первое представление. Новый император заявил прежде всего, что он желал бы лично прочесть письмо Константина Павловича. Как человек военный, великий князь Николай опасался интриг со стороны гражданских сановников. Ему дали письмо. Он внимательно его прочел и осмотрел подпись. Ему все еще казалось невероятным, чтобы наследник русского престола мог послушаться приказа свыше. Во всяком случае Николай считал, что Константин Павлович должен был заблаговременно предупредить о своих намерениях покойного императора, чтобы Николай Павлович имел возможность и время несколько подготовиться к правлению государством.

Он сжал кулаки и поднялся со своего места. Высокий, красивый, атлетически сложенный Николай был образцом мужской красоты.

– Мы исполним волю нашего покойного брата и желание великого князя Константина, – объявил он, и то, что он сказал «мы», было отмечено министрами. Этот молодой человек заговорил как монарх. Мог ли он так же и действовать? Доказательство представилось гораздо раньше, чем можно было ожидать.

На следующий день, 14 декабря, когда армия должна была присягнуть новому государю, тайное политическое общество, во главе которого стояли представители родовитой молодежи, решило воспользоваться случаем, чтобы поднять открытое восстание против престола и династии. Даже теперь, по прошествии столетия, очень трудно составить определенное мнение о политической программе тех, кого история назвала «декабристами». Гвардейские офицеры, писатели, интеллигенты – они подняли восстание не потому, что у них была какая-то общая идея, но, по примеру Французской революции, в целях освобождения угнетенного народа. Между ними не было единомыслия по вопросу о том, что будет в России после падения самодержавия. Полковник Пестель, князь Трубецкой, князь Волконский и другие члены Петербургской организации декабристов мечтали создать в России государственный строй по примеру английской конституционной монархии. Муравьев-Апостол и декабристы провинциальных кружков требовали провозглашения республики в духе Робеспьера. За исключением Пестеля, человека с математическим складом ума, взявшего на себя подробную разработку проекта будущей русской конституции, остальные члены организации предпочли направить свою энергию на внешнюю сторону переворота. Поэт Рылеев видел себя Демуленом, произносящим пламенные речи и прославляющим свободу. Жалкий, неуравновешенный юноша Каховский проповедовал необходимость идти по стопам «благородного Брута».

Среди многочисленных сторонников декабристов, привлеченных громкими именами отпрысков лучших русских родов, были Кюхельбекер и Пущин, двое школьных товарищей Пушкина. Сам Пушкин, получив известие о происходящих в столице событиях, покинул свое имение и поспешил в Петербург. Когда он выехал на петербургскую дорогу, испуганный заяц перебежал его путь у самого экипажа. Суеверный поэт остановил ямщика и велел повернуть назад.

Об этом он рассказал своим друзьям-заговорщикам и написал прекрасную поэму, посвященную декабрьским дням.

Хотя организация декабристов была создана еще в 1821 году, деятельность ее ничем не проявилась, кроме тайных заседаний и жарких споров, которые велись на квартирах Пестеля, Рылеева и Бестужева-Рюмина. Принимая во внимание русскую страсть к спорам, легко предположить, что декабристы ни до чего определенного и не договорились бы, если бы таинственная смерть Александра I и отречение от престола великого князя Константина не дали резкого толчка к восстанию.

– Теперь или никогда! – воскликнул Каховский, потрясая огромным пистолетом.

Полковник Пестель колебался, но большинство заговорщиков присоединились к Каховскому.

Вечером 13 декабря, не придя к общему решению, они отправились по казармам и провели всю ночь в переговорах с солдатами гарнизона столицы. Их план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не была ли «Конституция» именем польки, супруги великого князя Константина Павловича.

– Еще есть время, – предложил Пестель, – все отменить!..

– Слишком поздно, – ответили его соратники, – правительству уже известно, что происходит в гарнизоне. Нас все равно арестуют и предадут суду. Лучше умереть в борьбе!

На рассвете два батальона под командованием офицеров-заговорщиков решились выступить. Их продвижение по улицам по направлению к Сенату не вызвало никакого сопротивления. Правда, военный губернатор С.-Петербурга, герой Отечественной войны граф Милорадович выставил на Сенатской площади полк преданной правительству кавалерии и одну батарею артиллерии, но допустил мятежников построиться перед Сенатом.

В это утро тяжелый туман поднимался с берегов Невы над Петербургом. Когда к полудню он рассеялся, то смятенные толпы народа увидели на Сенатской площади батальоны мятежников и верные правительству полки, стоящие друг против друга на расстоянии трехсот шагов.

Время шло. Солдатам захотелось есть. Главари тайной организации чувствовали себя жалкими и беспомощными. Они готовы были пожертвовать своими жизнями, но правительство, как было видно, не хотело кровопролития. Со стороны декабристов было бы сущим безумием атаковать имевшимися в их распоряжении батальонами пехоты соединенные силы кавалерии и артиллерии.

– Стоячая революция! – раздался чей-то голос сзади. И эта ставшая исторической фраза была встречена взрывом смеха.

Внезапно по радам пронесся шепот.

– Молодой император! Молодой император! Посмотрите – вот он верхом рядом с Милорадовичем!

Вопреки уговорам приближенных и свиты не рисковать своей жизнью, император Николай Павлович решил лично принять командование верными ему войсками. Окруженный группой военных, верхом на громадной лошади, он представлял собой хорошую мишень для мятежников. Даже плохой стрелок не мог бы промахнуться!

– Ваше Императорское Величество! – взмолился испуганный Милорадович, – прошу вас вернуться во дворец!

– Я останусь здесь, – последовал твердый ответ, – кто-нибудь должен спасти жизнь этих сбитых с толку людей!

Милорадович прищпорил своего коня и поскакал в противоположный конец площади. Как и его монарх, генерал не боялся русских солдат. Они никогда не решились бы выстрелить в генерала, который еще так недавно вел их против старой гвардии Наполеона.

Остановившись против мятежников, Милорадович произнес одну из тех речей, которые в 1812 году вдохновляли не один геройский полк на боевые подвиги. Каждое слово генерала попадало в цель. Солдаты улыбались шуткам генерала, и их лица светлели. Еще минута, и они последовали бы его «братскому совету старого солдата» и вернулись бы в свои казармы...

Но в эту критическую минуту темная фигура встала между солдатами и Милорадовичем.

Бледный, растрепанный, пахнувший винным перегаром, с утра так и не расставшийся со своим пистолетом, Каховский прицелился и выстрелил в упор в Милорадовича. Генерал зашатался в седле. Негодующие крики слышались и с той, и с другой стороны. Император Николай нахмурился и бросил быстрый взгляд в сторону батареи. Раздались выстрелы, эхо разнесло их по всему городу...

«Стоячая революция» кончилась. Несколько солдат были убиты, и все главари мятежа до полуночи арестованы.

«Я никогда не забуду наших друзей четырнадцатого декабря», – сказал неделю спустя император и подписал приговор, отправлявший Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина, Рылеева и Муравьева-Апостола на виселицу, а остальных участников – в Сибирь.

И не забыл. Позже, во время одного из своих путешествий по Сибири, император расспрашивал о мельчайших подробностях жизни сосланных им представителей аристократии, которые, сами того не подозревая, сделались предшественниками движения, достигшего цели девяносто два года спустя.

Также выразил он желание побеседовать со старцем, известным под именем Федора Кузьмича, и сделал большой крюк, чтобы посетить его убогую хижину в глуши Сибири.

Свидание произошло без свидетелей. Император оставался с глазу на глаз со старцем более трех часов. Он вышел от него в глубокой задумчивости. Свите показалось, что на его глазах были слезы.

«Может быть, – писал впоследствии один из свиты, – есть доля правды в легенде, которая говорит, что в Петропавловском соборе погребен простой солдат под видом Александра I, а подлинный император скрывался в Сибири под именем старца Федора Кузьмича».

Мой покойный брат, великий князь Николай Михайлович, работая несколько лет в наших семейных архивах, старался найти подтверждение этой удивительной легенды. Он верил в ее правдоподобие, но дневники нашего деда Николая I, как это ни странно, даже не упоминают о посещении им старца Федора Кузьмича.

Началом легенды было слово часового Таганрогского дворца; это слово подхватила народная молва, упорно говорившая, что сибирский старец Федор Кузьмич был не кто иной, как император Александр I, скрывшийся в ночь своей мнимой кончины. Неопровержимым фактом также остается мистическая настроенность императора Александра I в последние годы его царствования, которая давала историкам основание верить в легенду.

Утомленный продолжительными войнами с Наполеоном и потеряв всякую веру в немецких, английских и австрийских союзников, мой царственный внучатый дядя любил месяцами жить в провинциальном захолустье своего Таганрогского дворца, читая Библию вместе со своей грустной и прекрасной женой, оплакивавшей долгие годы свою бездетность.

Император Александр, страдая бессонницей, часто вставал ночами, стараясь рассеять думы, полные видений прошлого. Две сцены преследовали его постоянно: граф Пален, входящий в его комнату 11 марта 1801 года с вестью об убийстве его отца, императора Павла I; и Наполеон в Тильзите, обнимающий его и обещающий поддерживать вечный мир в Европе. Оба эти человека лишили его юности и обагрили ему руки кровью.

Без конца перечитывал он слова Библии, подчеркнутые его карандашом: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем: и вот, все суета».

Глава II

Мое рождение

– Ее Императорское Высочество великая княгиня Ольга Федоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, – объявил 1 апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича, тогдашнего наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта Тифлисской крепости. – Прошу произвести пушечный салют в 101 выстрел!

– Это даже перестает быть забавным, – сказал старый генерал, сумрачно глядя на висевший перед ним календарь. – Мне уже этим успели надоест за все утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству.

– Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, – нетерпеливо перебил адъютант, – это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!

Комендант пожал плечами, еще раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин, армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорожденный великий князь будет наречен при крещении Александром в честь его царственного дяди – императора Александра II.

Второго апреля 1866 года, в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии. Красавица мамка должна была проявить всю изобретательность, чтобы угодить обладателя всех этих рангов.

Следуя по стопам своего отца, императора Николая I, человека исключительной прямолинейности и твердости взглядов, отец мой считал необходимым, чтобы его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга. Генерал-инспектор русской артиллерии и наместник богатого Кавказа, объединявшего до двадцати разных народностей и враждующих между собой племен, не разделял современных принципов нежного воспитания. Моя мать, до брака принцесса Цецилия Баденская, выросла в те дни, когда Бисмарк сковывал Германию железом и кровью.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. Среди многочисленных подарков, поднесенных мне по этому случаю, я нашел форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму. Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволят, если я буду послушным, надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее прилежанием и многолетним трудом.

Лицо мое вытянулось, но худшее было еще впереди.

– С завтрашнего дня, – объявил мой отец, – ты уйдешь из детской. Ты будешь жить с братьями Михаилом и Георгием. Учись и слушайся своих учителей.

Прощайте, мои добрые нянюшки, мои волшебные сказки! Прощайте, беззаботные сны! Всю ночь я проплакал в подушку, не слушая ободряющих слов моего доброго дядьки казака Шевченки. В конце концов, видя, что его обещания навещать меня каждое воскресенье не производят на меня должного впечатления, он стал нашептывать испуганно:

– Вот будет срам, если Его Императорское Величество узнают и отдадут в приказе по армии, что его племянник, великий князь Александр, отрешается от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет, как девчонка!

Услышав это, я вскочил с постели и бросился мыться. Я пришел в ужас, что чуть не обесчестил всю нашу семью в глазах императора и России.

Еще одно событие, большей важности, совпало со днем моего рождения. Я нахожу, что оно явилось для меня прямо откровением, настолько сильно была потрясена им моя юная душа. Я говорю о первой исповеди. Добрый батюшка, отец Георгий Титов старался всячески смягчить мое потрясение.

Впервые в моей жизни я узнал о существовании различных грехов и их определение от отца Титова. Семилетним ребенком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским. Господь Бог, который беседовал со мной в шепоте пестрых цветов, росших в нашем саду, внезапно превратился в моем сознании в грозное, неумолимое существо.

Не глядя в мои полные ужаса глаза, отец Титов поведал мне о проклятиях и вечных муках, на которые будут осуждены те, кто утаивает свои грехи. Он возвышал голос, а я, дрожа, смотрел на его наперсный крест, освещенный лучами яркого кавказского солнца. Могло ли так случиться, что я вольно или невольно совершил какой-нибудь ужасный грех и утаил его?

– Очень часто дети берут без спроса разные мелочи у своих родителей. Это воровство и большой грех, – говорил батюшка.

Нет, я был совершенно уверен в том, что не украл даже леденца из большой серебряной вазы, что стояла на камине, хотя она меня соблазняла не раз. Но я вспомнил о прошлом лете, которое провел в Италии. Будучи в Неаполе в саду при нашей вилле, я поднял под одним из фруктовых деревьев блестящее красное яблоко, которое издавало такой знакомый аромат, что я сразу задрожал и загрустил по далекому Кавказу.

– Отец Титов, скажите, я попаду в ад, потому что подобрал чужое яблоко в Неаполе? – спросил я.

Отец Титов успокоил меня и обещал научить, как искупить этот грех, если я ему обещаю никогда не делать ничего подобного.

Эта его готовность идти на уступки придала мне храбрости. Заикаясь, бормоча и проглатывая слова, я выразил удивление и сомнение по поводу существования ада.

– Вы здесь говорили, отец Титов, когда приходили к нам завтракать во дворец, что Господь Бог любит всех – мужчин, женщин, детей, животных и цветы. Так как же Он может допустить существование всех этих мук ада? Как может он одновременно любить и ненавидеть?

Теперь пришла очередь отца Титова ужасаться.

– Не повторяйте этого никогда! Это грех, кощунство. Конечно, Господь Бог любит всех. Он полон благости. Он не может ненавидеть.

– Но, батюшка, вы же мне только что сказали о тех ужасных мучениях, которые ожидают в аду грешников. Значит, Бог любит только хороших людей и не любит грешников.

Батюшка глубоко вздохнул и положил на мою голову свою большую мягкую руку.

– Мой дорогой мальчик, вы поймете это со временем. Когда-нибудь, когда вы вырастаете, вы меня поблагодарите за то, что я воспитал вас в духе истинного христианства. Теперь не спрашивайте много, но поступайте так, как я говорю.

Я ушел из церкви с чувством, что потерял что-то необычайно ценное, чего никогда не смогу приобрести вновь, даже если сделаюсь императором всероссийским.

– Ты простился со своими няньками? – спросил меня отец, когда я взобрался к нему на стул, чтобы пожелать спокойной ночи.

Не все ли было равно и чем мне могли помочь няньки, когда мы все попадем в ад?

С этого дня и до пятнадцатилетнего возраста мое воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Мои братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий и я жили, как

в казармах. Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски. Я помню, как много лет спустя, уже после моей женитьбы, не мог привыкнуть к роскоши широкой кровати с двойным матрацем и полотняным бельем и потребовал назад мою старую походную кровать.

Нас будили в шесть часов утра. Мы должны были сейчас же вскакивать, так как тот, кто рискнул бы «поспать еще пять минут», наказывался самым строжайшим образом.

Мы читали молитвы, стоя в ряд на коленях перед иконами, потом принимали холодную ванну. Наш утренний завтрак состоял из чая, хлеба и масла. Все остальное было строго запрещено, чтобы не приучать нас к роскоши.

Затем шел урок гимнастики и фехтования. Особое внимание было обращено на практические занятия по артиллерии, для чего в нашем саду стояло орудие. Очень часто отец без предупреждения заходил к нам на занятия, критически наблюдая урок по артиллерии. В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города.

От 8 часов утра до 11 и от 2 до 6 мы должны были учиться. По традиции, великие князья не могли обучаться ни в казенных, ни в частных учебных заведениях, а потому мы были окружены целым штатом наставников. Наша учебная программа, разделенная на восьмилетний период, состояла из уроков Закона Божьего, истории православной церкви, сравнительной истории других исповеданий, русской грамматики и литературы, истории иностранной литературы, истории России, Европы, Америки и Азии, географии, математики (заклучавшей в себе арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию), языков французского, английского и немецкого и музыки. Сверх того, нас учили обращению с огнестрельным оружием, верховой езде, фехтованию и штыковой атаке. Мои старшие братья Николай и Михаил изучали также латинский и греческий языки, нас же, младших, освободили от этой пытки.

Учение не было трудным ни для меня, ни для моих братьев, но излишняя строгость наставников оставила в нас всех осадок горечи. Можно с уверенностью сказать, что современные любящие родители воспротивились бы, если бы их детей воспитывали так, как это было принято в русской императорской семье эпохи моего детства.

Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов – задача, которая имеет для учителей математики особую притягательную силу, – влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа.

Однажды, когда мы были доведены до слез какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны.

Для меня навсегда останется непостижимым, как такая давящая система воспитания не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всем тем предметам, которым нас обучали в детстве.

Должен, однако, добавить, что все монархи Европы, казалось, пришли к молчаливому соглашению, что их сыновья должны быть воспитаны в страхе Божьем для правильного понимания будущей ответственности перед страной. Много лет спустя, делаясь воспоминаниями с германским императором Вильгельмом, я оценил сравнительную мягкость наших тифлисских учителей. Его наследник, германский крон-принц, женатый на одной из моих племянниц, сухо добавил, что количество наказаний, полученных в детстве отцом-монархом, не смягчает тропы испытаний, по которой идет его сын.

Завтраки и обеды, столь приятные в жизни каждой семьи, не вносили разнообразия в строгую рутину нашего воспитания.

Наместник Кавказа должен быть представителем государя императора в сношениях с миллионами верноподданных, живущих на юге России, и за наш стол садилось ежедневно не менее 30 или 40 человек. Официальные лица, прибывшие на Кавказ из Петербурга, восточ-

ные властители, отправлявшиеся представиться царю, военачальники подчиненных наместнику губерний и областей, общественные деятели с женами, лица свиты и придворные дамы, офицеры личной охраны и наши наставники – все пользовались случаем, чтобы высказать свои политические взгляды и ходатайствовать о различных милостях в Тифлисском дворце.

Мы, дети, должны были во время завтраков и обедов очень следить за собой и отнюдь не начинать разговаривать, пока нас не спрашивали. Как часто, сгорая от желания рассказать отцу о том, какую замечательную крепость мы построили на вершине горы или же какие японские цветы посадил наш садовник, должны были мы сдерживаться, молчать и слушать важного генерала, который разглагольствовал о нелепости последних планов Дизраэли.

Если же к нам обращались с каким-то вопросом, что конечно же делалось из чувства подобострастия перед наместником Его Величества, то мы должны были отвечать в тех рамках, которые нам предписывал строгий этикет. Когда какая-нибудь дама, с приторно сладкой улыбкой на губах, спрашивала меня о том, кем бы я хотел быть, то она сама прекрасно знала, что великий князь Александр не может желать быть ни пожарным, ни машинистом, чтобы не навлечь на себя неудовольствия великого князя – отца. Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич-старший, артиллерией, которая была в ведении моего отца, и военным флотом, во главе которого стоял мой дядя – великий князь Константин Николаевич.

– Для такого мальчика, как вы, – обыкновенно говорила улыбающаяся дама, – самое лучшее следовать по стопам вашего августейшего отца.

Что другое можно было ответить на подобный вопрос, если принять во внимание, что в это время двенадцать пар глаз моих наставников впивались в меня, стараясь внушить мне достойный ответ?

Брат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора.

Порядок распределения мест за столом исключал для нас, детей, всякую возможность посмеяться над теми или иными странностями гостей или же пошептаться между собой. Нам никогда не позволяли сидеть вместе, а размещали между взрослыми. Нам было объяснено, что мы должны себя вести в отношении наших соседей так, как бы вел себя наш отец. Мы должны были улыбаться неудачным остроумиям наших гостей и проявлять особый интерес к политическим новостям.

Кроме того, мы должны были всегда помнить, что в один прекрасный день нас повезут в Россию, которая находится за хребтом Кавказских гор. Там, в гостях у нашего царственного дяди, говорили нам, мы с признательностью вспомним наших наставников, которым мы обязаны нашими хорошими манерами. Иначе наши кузены будут указывать на нас пальцами и называть «дикими кавказцами».

Встав из-за стола, мы могли играть в кабинете отца в течение часа после завтрака и двадцати минут после обеда. Кабинетом была огромная комната, покрытая удивительными персидскими коврами и украшенная по стенам кавказскими саблями, пистолетами и ружьями. Окна кабинета выходили на Головинский проспект (главная улица Тифлиса), и из них можно было наблюдать интересные картины восточного быта. Мы не могли насмотреться на высоких, загорелых горцев в серых, коричневых или же красных черкесках, верхом на чистокровных скакунах, с рукой на рукояти серебряных или золотых кинжалов, покрытых драгоценными камнями. Привыкнув встречать у отца представителей различных кавказских народностей, мы без особого труда различали в толпе беспечных персов, одетых в пестрые ткани и ярко выделявшихся на черном фоне одежд грузин и простой формы наших солдат. Армянские продавцы

фруктов, сумрачные татары верхом на мулах, желтолицые бухарцы, кричавшие на своих тяжело нагруженных верблюдов, – вот главные персонажи этой вечно двигавшейся панорамы.

Громада Казбека, покрытого снегом и пронизывавшего своей вершиной голубое небо, царила над узкими красивыми улицами, которые вели к базарной площади и были всегда наполнены шумной толпой. Только мелодичное журчание быстрой Куры смягчало шумную гамму этого вечно кричащего города.

Красота окружающей природы обыкновенно накладывает отпечаток грусти на склад юного характера. Но мы все были беспечно счастливы в те короткие минуты, которые оставались в нашем распоряжении между строевыми занятиями и учебными классами.

Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судеб империи, наши гувернеры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы.

Ровно в девять мы должны были идти в нашу спальню, надевать длинные белые ночные рубашки (пижамы тогда еще не были известны в России), немедленно ложиться и засыпать. Но и в постелях мы оставались под строгим надзором. Не менее пяти раз за ночь дежурный наставник входил в нашу комнату и окидывал подозрительным взглядом кровати, в которых под одеялами лежали, свернувшись, пятеро мальчиков.

Около полуночи нас будило звяканье шпор, возвещавшее приход отца. На просьбы моей матери нас не будить отец отвечал, что будущие солдаты должны приучаться спать, несмотря ни на какой шум.

– Что они будут делать потом, – говорил он, – когда им придется урывать несколько часов для отдыха под звуки канонады?

Никогда не забуду я его высокой фигуры и серьезного красивого лица, склоненного над нашими кроватками, когда он благословлял нас широким крестным знамением. Потом, прежде чем покинуть нашу спальню, он молился перед иконами, прося Всевышнего помочь ему сделать из нас добрых христиан и верноподданных государя и России. Никакие религиозные сомнения не омрачали его твердых убеждений. Он верил каждому слову Священного Писания и воздавал Богу богово, а Кесарю кесарево.

В глазах наших родителей и воспитателей мы были здоровыми, нормальными детьми, но современный педагог нашел бы в нас неудовлетворенную жажду к большой ласке и к проявлению привязанности. Мы страдали душой от одиночества. Наше особое положение отделяло нас от детей нашего возраста. Нам не с кем было поговорить, и каждый из нас был слишком горд, чтобы делиться своими мыслями с братьями.

Одна мысль о том, чтобы явиться к отцу и утруждать его неопределенными разговорами без специальной цели, казалась просто безумием. Мать наша, со своей стороны, направляла все усилия к тому, чтобы уничтожить в нас малейшее внешнее проявление чувства нежности. В свои юные годы она прошла школу спартанского воспитания в Германии, в духе того времени, и не порицала ее.

Будучи в полном смысле этого слова демократами в наших отношениях к прислуге, мы должны были тем не менее помнить, что великий князь никогда не должен проявлять ни малейшей слабости в присутствии посторонних. Он должен выглядеть всегда довольным, скрывая свои чувства под маской официальной холодности.

Особое положение в семье занимала наша сестра Анастасия Михайловна. Мы все обо- жали эту высокую темноволосую девушку, она была любимицей отца. Когда мы говорили с нею, то воображали себя ее верными рыцарями, готовыми исполнять все приказания нашей дамы сердца и повергнуть к ее ногам всю любовь, накопившуюся в душе неделями и месяцами скучного учения. Мы страстно ревновали ее друг к другу, и у нас заняло сердце, когда в Тифлис прибыл герцог Мекленбург-Шверинский, чтобы познакомиться со своей будущей невестой. Наша инстинктивная неприязнь к нему и его лихой манере щелкать каблуками достигла пре- делов настоящей ненависти, когда наш брат Николай открыл истинную цель его визита. Его появление грозило лишить нас существа, на которое мы изливали всю нашу душевную неж- ность. После отъезда сестры чувства эти обратились в сторону природы, которая была неиз- менно ласкова и поддерживала в наших сердцах надежду.

Зимой нам разрешали выходить на двор только на один час, так что мы с нетерпением считали дни, оставшиеся до весны. Наши каникулы продолжались всего шесть недель, и мы проводили их либо в Боржоме, либо на Крымском побережье Черного моря, в имении государя императора.

Я буду всегда с благодарностью вспоминать мою болезнь scarлатиной, так как из-за нее мне удалось провести самое счастливое лето в моей жизни. Мне было тогда девять лет.

Я заболел и впал в бессознательное состояние в Боржоме, откуда мои родители собира- лись ехать в Петербург для свидания с императором Александром II. Доктора сразу же опре- делили scarлатину, и меня оставили в Боржоме на попечении графини Алопеус, гофмейсте- рины моей матери, адъютанта кн. Меликова и лейб-медика Альбануса. В течение шести недель, проведенных мною в постели, они все меня баловали, и я чувствовал себя центром всеобщего внимания.

Каждый день военный оркестр играл вблизи нашего дома мои любимые мотивы. Множе- ство людей, проезжавших Кавказ, посещали Боржом, чтобы навестить больного сына намест- ника, и большинство из них приносили мне коробки с леденцами, игрушки и книги приклю- чений Фенимора Купера. Доктор, графиня Алопеус и кн. Меликов охотно играли со мной в индейцев. Вооруженный шашкой адъютанта, доктор пытался скальпировать объятую ужасом придворную даму, которая, исполняя порученную ей роль, призывала на помощь бесстраш- ного «Белого Человека Двух Ружей». Последний, опершись на подушку, прицеливался в ее мучителей, и его пули одна за другой попадали в их лбы.

Время моего выздоровления ознаменовалось рядом пикников, с поездками в лес и в горы. Уроков не было, все наставники были в С.-Петербурге. Мы выезжали утром в откры- том экипаже, запряженном четверкой крепких горных лошадей. Дух захватывало, когда эти маленькие животные с легкостью брали самые крутые подъемы на горы. Воспоминание о гор- ных поездках воскрешает в моей памяти один эпизод, случившийся за год до моей болезни, во время визита шаха персидского в Тифлис. Этот большой восточный человек, сидя в одном экипаже с моей матерью, во время подъема в горы так испугался, что выскочил из экипажа и в ужасе закричал моей матери: «Mourez seule!» (Умри одна!)

Были счастливые для меня дни в Боржоме, когда мы собирали чернику или играли в домино и слушали рассказы о старом Кавказе. Я едва удержался от слез, когда доктор объявил мне, что я поправился и пришла телеграмма, сообщавшая о скором прибытии моих родите- лей и братьев. Я сознавал, что первый и последний раз в моем детстве я пожил в дружеском общении со взрослыми, которые оказали мне, одинокому мальчику, немного внимания и дали ласку, не видя в этом ничего предосудительного.

Возвратившись в Тифлис, я рассеянно слушал оживленные рассказы моих братьев. Они наперебой восхищались роскошью императорского дворца в С.-Петербурге, но я не променял бы на все драгоценности российской короны время, проведенное в Боржоме. Я мог бы им рас-

сказать, что в то время, как они должны были сидеть навтыжку за высочайшим столом, окруженные улыбающимися царедворцами и подобострастными лакеями, я лежал часами в высокой траве, любясь цветами, росшими красными, голубыми и желтыми пятнами по горным склонам, и следя за полетами жаворонков, которые поднимались высоко вверх и потом камнем падали вниз, чтобы посмотреть на свои гнезда.

Однако я смолчал, боясь, что братья не оценят моего простого счастья.

Тысяча восемьсот семьдесят пятый год полон большого значения в моей детской жизни. Вскоре после Рождества родился мой брат Алексей, а летом я встретил двух людей, которым суждено было сделаться моими лучшими друзьями на всю жизнь.

Родители прибегали ко всяческим предосторожностям, чтобы скрыть от нас тайну рождения брата. Очевидно, мы должны были сочетать в себе основательное знание артиллерии с искренней верой в аиста.

Пальба 101 орудия очень удивила нас.

– Господу Богу было угодно, – возвестил нам наш воспитатель, – даровать их императорским высочествам сына.

На другой день нам разрешили войти в покои матери и посмотреть на новорожденного брата. Все улыбались и думали, что мы, мальчики, будем ревновать его к матери. Братья молчали, я же был преисполнен самых нежных чувств по отношению к маленькому. Я втайне надеялся, что к тому времени, когда он вырастет, все наши наставники уже закончат на земле свое бременное существование. Глядя на красное, сморщенное лицо новорожденного, я чувствовал к нему жалость.

Три недели спустя состоялось таинство крещения. Ему предшествовал большой парад войск гарнизона. Играла музыка, толпа кричала «ура», в то время как старая придворная дама несла ребенка на руках в церковь в сопровождении целого штата военных и гражданских чинов в полной парадной форме.

Маленький Алексей тихо лежал на шелковой подушке в длинной кружевной рубашке, перевитой голубой лентой ордена Св. Андрея Первозванного. Когда его окунали в воду, он жалобно закричал. Архиепископ читал особую молитву. Потом в том же порядке Алексея понесли обратно в покои матери. Ни мать, ни отец, согласно обычаю православной церкви, не могли присутствовать при крещении. Брат Алексей умер двадцати лет от роду от скоротечной чахотки. Хоть я и был близок к нему более остальных членов нашей семьи, я не жалел о его кончине. Высоко одаренный юноша, с чуткой и свободолюбивой душой, он страдал в обстановке дворцовой жизни.

Той весной мы покинули Тифлис ранее обычного, чтобы провести шесть недель в крымском имении нашего дяди. На пристани в Ялте нас встретил сам государь император, который, шутя, сказал, что хочет видеть самого дикого из своих кавказских племянников. Он ехал в коляске впереди нас по дороге в знаменитый Ливадийский дворец, известный своей роскошной растительностью.

Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося мальчика моего возраста, который гулял с няней, державшей ребенка на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года. Старший сын наследника цесаревича Алек-

сандра Александровича, он взошел на престол в 1894 году и был последним представителем династии Романовых, который правил Россией.

Я часто не соглашался с его политикой и хотел, чтобы он проявлял больше осмотрительности в выборе высших должностных лиц и больше твердости в проведении своих замыслов в жизнь. Но все это касалось «Императора Николая II» и совершенно не затрагивало моих отношений с «кузеном Ники».

Ничто не может изгладить из моей памяти образа жизнерадостного мальчика в розовой рубашке, который сидел на мраморных ступеньках длинной Ливадийской лестницы и следил, жмурясь от солнца, своими удивительной формы глазами за далеко плывшими по морю кораблями. Я женился на его сестре Ксении девятнадцать лет спустя.

На десятом году жизни я вступил в третий год моего учения, что означало, что новый курс наук и строевых занятий будет прибавлен к моим прежним обязанностям. Оставаясь все время в обществе взрослых и слыша от них постоянно о тяжелой ответственности, ожидающей великого князя, я стал рано задумываться над вопросами, являющимися уделом более зрелого возраста. Как это ни покажется странным, но мое эмоциональное, духовное и умственное развитие на несколько лет опередило период сексуального пробуждения. Оно дало себя почувствовать только в 1882 году, когда мои родители переехали в С.-Петербург окончательно и я начал посещать балет. До того времени, быть может, вследствие строгого воспитания я был целомудрен и в желаниях, и в помыслах. Изучение Ветхого Завета, так легко поражающего воображение ребенка, имело на ход моих мыслей совершенно обратное действие. Абсолютно не сознавая сексуального смысла некоторых событий, я испытывал величайшее волнение по поводу грехопадения Адама и Евы, не уясняя себе его строго легального значения. Я находил страшной несправедливостью изгнание этих двух невинных людей из рая. Во-первых, Господь Бог должен был повелеть дьяволу оставить их в покое, а во-вторых, для чего он сотворил этот злополучный плод, причинивший всему человечеству такие муки?

Отец Титов, относившийся несколько подозрительно ко мне со дня моей первой исповеди, напрасно старался защитить в моих глазах Ветхий Завет. Он оставил меня временно в покое, молясь о спасении моей души от тьмы неверия, но, в конце концов, потерял терпение и пригрозил доложить обо всем моему отцу. Последнее убило во мне всякий интерес к урокам Закона Божьего, и я перенес весь арсенал моих вопросов и сомнений на уроки географии и естественной истории.

Как большинство моих сверстников, я мечтал о побеге в Америку и выучил наизусть названия всех штатов, городов и рек Соединенных Штатов. Я не давал ни отдыха, ни срока адмиралу Веселаго, которого считал экспертом по американским делам, так как он принимал участие в русской морской демонстрации, проведенной по повелению императора Александра II в 1863 году в американских территориальных водах как протест по поводу вмешательства Англии в американскую гражданскую войну. Меня более всего интересовало, мог ли мальчик без особого вооружения безопасно разгуливать по улицам Нью-Йорка.

Полвека спустя, обмениваясь воспоминаниями детства с моим покойным другом Майроном Герриком, я был глубоко тронут его рассказами о том впечатлении, которое произвело на общественное мнение Западной Америки появление в американских водах русской эскадры.

– Я знаю, – рассказывал Геррик, – что это был самый трагический момент в истории нашего союза. Я был слишком молод, чтобы сознательно следить за политическими событиями, но помню, как мать моя ходила с глазами, полными слез. Так как все молодые люди ушли на войну, матери было трудно из-за недостатка рабочих рук на ферме. Однажды я играл на заднем дворе нашей фермы и вдруг услышал крик матери: «Майрон, Майрон, поди сюда сейчас же!». Я бросился на ее зов, думая, что произошло нечто ужасное. Мать стояла посреди ком-

наты с газетой в руках. Слезы радости катились по ее щекам, и она беспрестанно повторяла: «Майрон, мы спасены! Русские прибыли! Майрон, мы спасены!». В то время я очень мало знал о народах, живущих вне Соединенных Штатов. Существовали коварные англичане, которых надо остерегаться, еще были французы, написавшие те гадкие книжки, о которых часто говорили у нас в универмаге. Но кто такие русские? «Мама, – спросил я, – они похожи на индейцев? Скальпируют ли они людей?»

– Очень жаль, – заключил свою беседу Геррик, – что вам не удалось бежать в Америку. Если бы вы добрались благополучно до Огайо и застали меня на ферме, мы могли бы рассказать друг другу массу интересных вещей.

Начиная с осени 1876 года центром разговоров за нашим обеденным столом была неизбежность войны с Турцией. Все остальные темы были позабыты, так как каждый сознавал, что близость к турецкой границе поставит нашу кавказскую армию в необходимость действовать быстро. Приезжавшие из Петербурга гости в ярких красках описывали зверства турков в славянских странах. Несколько офицеров из свиты моего отца просили разрешения зачислиться добровольцами в болгарскую армию.

Наши средневековые военные упражнения получили для нас новый смысл. Мы обсуждали, как бы нам пришлось действовать, если бы турки осадили Тифлис и дворец наместника. Мы завидовали брату Николаю, потому что ему исполнилось восемнадцать лет – возраст, когда он мог вступить в действующую армию и покрыть себя славой героя. Нам же внушали, что война и слава – это одно и то же. Никто не говорил нам о страданиях нашей Родины во время Отечественной и Крымской войн. Мы наизусть знали имена генералов, награжденных орденами Св. Георгия Победоносца, и дрожали, слушая повествования о героизме защитников Севастополя. Наши наставники не считали при этом нужным сообщать нам о страданиях раненых в госпиталях, о нужде в перевязочном материале, о тяжких людских потерях нашей армии, об умерших от тифа. Тема смерти никогда не обсуждалась в нашем присутствии. Наши царственные предки никогда не «умирали». Они «почивали в Бозе».

В это время в Тифлисе произошло дерзкое убийство. Обоих бандитов, виновных в этом преступлении, быстро поймали, судили и приговорили к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение на пригорке, невдалеке от дворца. Войдя в утро казни в нашу классную комнату, мы увидели всех наших наставников, которые в крайнем возбуждении смотрели на что-то из окна. Вместо того чтобы приказать нам удалиться, они подозвали нас к окну. Не сознавая, в чем дело, мы подошли к окну и увидели это страшное зрелище.

Густая толпа окружала виселицу, глядя на палача, занятого последними приготовлениями. Затем появились две бледные фигуры, которых подталкивали сзади. Мгновение спустя в воздухе мелькнули две пары ног. Я закричал и отвернулся.

– Великий князь Александр никогда не будет хорошим солдатом! – строго заметил наш воспитатель.

Мне хотелось закричать, броситься на него и избить, но отвращение сковало все мои чувства.

Прошло несколько дней, прежде чем эта ужасная картина перестала меня преследовать. Я ходил, как в дурмане, боясь смотреть через окна, чтобы не увидеть снова двух повешенных. Я готовил уроки, отвечал на поставленные вопросы, но не мог собраться с мыслями.

Мне казалось, что в душе моей пронесся ураган, который оставил мне обломки всего того, что было в ней посеяно тремя годами упорного труда и учения.

Глава III

Моя первая война

1

Январь 1877 года принес с собою давно ожидавшееся объявление войны между Россией и Турцией. События 1877–1878 гг. кажутся теперь, по прошествии пятидесяти лет, совершенно непонятными: восхищаться ли предусмотрительностью Дизраэли или же сожалеть о простодушии русского правительства? Быть может, было бы правильнее, если бы мы не вмешивались в балканские дела, но какие темные побуждения руководили лордом Биконсфильдом, что он не поверил в искренность всеобщего возмущения в России по поводу поведения турок? Ведь одного слова из Лондона было бы достаточно, чтобы прекратить ряд убийств, подготовленных турецким правительством в славянских странах. Ведь простая предусмотрительность, предвидение ближайшего будущего показали бы английскому правительству те ужасные последствия, которые явились результатом английского участия в балканской неразберихе! При сложившихся обстоятельствах император Александр II считал своим долгом принять вызов Англии, хотя он был и душой, и светлым своим разумом против войны.

Медленно продвигаясь в течение почти двух лет через полудикие балканские земли, русская армия в действительности вела жесточайшую кампанию против Британской империи. Турецкая армия была вооружена отличными английскими винтовками новейшей системы. Генералы султана следовали указаниям английских военачальников, а флот ее величества королевы английской угрожающе появился в водах Ближнего Востока в тот момент, когда взятие Константинополя русской армией являлось вопросом нескольких недель. Русские дипломаты еще раз подтвердили свою репутацию непревзойденной глупости, уговорив императора Александра II принять так называемое дружественное посредничество Бисмарка и тем самым покончить с русско-турецким конфликтом на конгрессе в Берлине.

«Der alte Jude, das ist ein Mann» (Старый еврей – большой человек), – сказал Бисмарк, восторгаясь Дизраэли, когда последнему удалось заставить русскую делегацию принять условия мира, позорные для России, которые впоследствии неизбежно влекли за собой мировую войну. «Старый еврей» в своем желании сохранить в Европе Турецкую империю поднял престиж Берлина в глазах Стамбула и, таким образом, заложил фундамент для происков императора Вильгельма на Ближнем Востоке. Тысячи британских солдат погибли тридцать семь лет спустя в Галлиполи только потому, что Дизраэли хотел причинить неприятности С.-Петербургу в 1878 году. Однако нет оправдания и русской дипломатии, которая, вместо того чтобы нейтрализовать шаг Дизраэли русско-германским союзом, стала способствовать бессмысленному, даже фатальному сближению России с Францией и Великобританией.

2

Мне было в те дни одиннадцать лет, и я переживал все волнения моей первой войны.

Отца назначили Главнокомандующим русской армией, и Тифлис – мирная столица Кавказа – сразу же принял грозный облик стратегического центра.

Мобилизованные солдаты, которые должны были перейти пешком горный хребет, отделявший Европейскую Россию от Южного Кавказа (в то время не было прямого железнодорожного сообщения между Тифлисом и Москвой), ежедневно получали пищу в большом парке нашего двorca, а в его нижнем этаже был открыт госпиталь.

Каждое утро мы сопровождали отца во время его обхода войск, с замиранием сердца слушая его простые, солдатские слова, обращенные к войскам, по вопросу о причинах войны и о необходимости быстрых действий.

Потом настал великий день и для меня, когда мой шефский 73-й Крымский пехотный полк проходил через Тифлис на фронт и должен был мне представиться на смотре.

В шесть часов утра я уже стоял перед зеркалом и с восторгом любовался своей блестящей формой, начищенными сапогами и внушительной саблей. Вокруг себя я чувствовал зависть и недоброжелательство братьев, завидовавших моему торжеству. Они проклинали свою судьбу за то, что движение их шефских полков задерживалось на севере. Они боялись, что каждая победа нашей армии на Балканах будет ставиться в заслугу «полка Сандро».

– Кажется, твои солдаты здорово устали! – сказал мой брат Михаил, глядя через окно на четыре тысячи людей, вытянувшихся фронтом пред дворцом вдоль всего Головинского проспекта.

Я не обратил внимания на его колкое замечание. Мне мои люди показались замечательными. Я решил, что следовало произнести перед своим полком речь, и старался вспомнить подходящие выражения, которые вычитал в истории Отечественной войны.

– Мои дорогие герои!..

Нет, это звучит как перевод с французского.

– Мои славные солдаты!..

Или еще лучше: мои славные братья!

– В чем дело? – спросил отец, входя в комнату и заметив мои позы.

– Он старается воодушевить свой полк, – ответил Михаил.

Нужна была сильная рука моего отца, чтобы остановить справедливое негодование шефа 73-го Крымского пехотного полка.

– Не ссорьтесь, дети! Не дразните Сандро! Никто не ожидает от него речей.

Я был разочарован.

– Но, папа, разве я не должен обратиться к солдатам с речью?

– Пожелай им просто Божьей помощи. Теперь пойдем и помни, что, как бы ты ни был утомлен, ты должен выглядеть веселым и довольным.

К полудню я понял предупреждение отца. Понадобилось четыре часа, чтобы осмотреть все шестнадцать рот полка, который весь состоял из бородатых великанов, забавлявшихся видом своего молодого, полного собственного достоинства шефа. Шестнадцать раз я повторил «Здорово, первая рота!», «Здорово, вторая рота!» и т. д. и слышал в ответ оглушительный рев из двухсот пятидесяти грудей, которые кричали «Здравия желаем!». Я с трудом поспевал за огромными шагами своего отца, который был на голову выше всех солдат, специально подобранных в шефский полк за свой высокий рост. Никогда в жизни я еще не чувствовал себя таким утомленным и счастливым.

– Ты бы отдохнул, – предложила мне мать, когда мы вернулись во дворец.

Но разве я мог думать об отдыхе, когда четыре тысячи моих солдат шли походным порядком прямо на фронт?

Я тотчас же подошел к рельефной карте Кавказа и начал внимательно изучать путь, по которому пойдет 73-й Крымский пехотный полк.

– Я никогда не слышал, чтобы так звенели шпорами, – воскликнул брат Михаил и с презрением вышел из комнаты. Хоть он и был на три года старше меня, я тем не менее перерос его в эту зиму на полтора дюйма, и это его очень беспокоило.

3

Неделю спустя отец уехал на фронт. Мы завидовали отцу и не разделяли горя плакавшей матери. Мы очень гордились им, когда он сидел в широкой коляске, запряженной четверкой лошадей, с шестью казаками, скакавшими сзади, и тремя спереди. Один из них держал в руках значок наместника Кавказского, с большим православным крестом на фоне белых, оранжевых и черных цветов и надписью: «С нами Бог!». Древяно было также украшено массивным золотым крестом. Бесчисленное количество экипажей с генералами и чинами штаба следовало за коляской отца под охраной сотни конвоя. Величавые звуки национального гимна и громовые приветствия толпы усиливали торжественность минуты.

Мы, конечно, не могли и думать о рутине наших ежедневных занятий. Мы интересовались только войной. Нам хотелось говорить только о войне. Строя планы на будущее, мы надеялись, что если война продлится еще два года, то мы сможем принять участие в боевых действиях.

Каждое утро приносило захватывающие новости. Кавказская армия взяла турецкую крепость. Дунайская армия под командованием нашего дяди, великого князя Николая Николаевича-старшего, переправилась через Дунай и двигалась по направлению к Плевне, где должны были произойти самые кровопролитные бои. Император Александр II посетил главную квартиру, раздавая боевые награды многочисленным генералам и офицерам, имена которых мы хорошо знали.

Первая партия турецких пленников прибыла в Тифлис.

Имена многих сподвижников моего отца, в особенности имя генерала Лорис-Меликова, повторялись беспрестанно. Было приятно сознавать, что все эти генералы, бывшие нашими близкими друзьями, вдруг стали национальными героями. С радостью расстались мы с нашим военным воспитателем, который вскоре после объявления войны должен был выехать на фронт, вследствие чего наступило значительное смягчение режима нашего воспитания. Как это ни стыдно признавать, но я втайне надеялся, что шальная турецкая пуля освободит нас навсегда от этого жестокого человека. Однако совесть моя может быть спокойной: он возвратился с фронта целым и невредимым, украшенный боевыми отличиями, но его место при нас уже было занято воспитателем с менее суровым характером.

Была установлена связь при помощи особых курьеров между дворцом наместника и ставкой командующего фронтом в Александрополе, что позволяло нам быть всегда в курсе всех военных новостей. Ежедневно, по прибытии сводки, мы бросались к карте, чтобы передвинуть разноцветные флажки, обозначающие положение на фронте. Сводка не щадила красок, чтобы описать подвиги нашей армии и дать подробные цифры убитых и пленных турок. Турецкие потери звучали в наших ушах сладкой музыкой. Много лет спустя, командуя русским воздушным флотом во время мировой войны, я постиг не совсем обычный механизм издания официальных военных сводок и уже не мог вновь пережить энтузиазма одиннадцатилетнего мальчика, с блеском в глазах следившего за передвижениями русской армии в Турции, не думая о тех гекатомбах человеческих жизней, которые она оставляла на своем пути продвижения. В 1914–1917 гг. я понял, что «тяжелые потери», которые понес «быстро отступающий противник», неизменно сопровождались еще более тяжелыми потерями нашей «славной победоносной армии». Мне кажется, что никто не в состоянии изменить оптимизма официальных репортажей, а также психологии военных, способных смотреть хладнокровно на горы трупов в отбитых у противника окопах. С другой стороны, следует признать, что этика войны значительно изменилась за последние сорок лет. Тот налет рыцарства, который был еще заметен в действиях противников в войне 1877–1878 гг., уступил место зверскому взаимоистреблению людей. Достаточно вспомнить Верден с его 400 тыс. убитых! Читая описания кошмарных усло-

вий, в которых протекала жизнь военнопленных во время мировой войны, я всегда вспоминал о той симпатии и том уважении, с которыми мы, русские, обращались в 1877 году с турецкими пленными. Александр II считал долгом дать личную аудиенцию Осману-паше, командиру турецкой армии под Плевной, возвратил пленному паше его саблю и самым высоким образом оценил его мужество и военный гений.

Тридцать семь лет спустя генералу Корнилову, взятому в плен австрийцами, был оказан прием, достойный лишь мелких воришек и обычных преступников.

4

Относительная свобода, которой пользовались я и мои братья за время пребывания наместника на фронте, дала нам, наконец, возможность ознакомиться с различными классами тифлисского населения и их социальным бытом.

При наших посещениях госпиталей, а также на прогулках по улицам мы сталкивались с ужасающей нуждой. Мы видели нищету, страдания и непосильный труд, притаившиеся около самого дворца. Мы слышали рассказы, которые разрушали все наши прежние иллюзии и мечты. То, что я носил голубую шелковую рубашку и красные сафьяновые сапоги, казалось мне теперь постыдным в присутствии мальчиков-однолеток, у которых были рваные рубашки, а ноги – босы. Многие из них голодали; все они проклинали войну, которая лишила их отцов. Мы рассказали о наших впечатлениях воспитателям и просили, чтобы нам дали возможность помочь этим бедным подросткам с изнуренными, серыми лицами. Нам ничего не ответили, но вскоре наши прогулки опять ограничились пределами дворцового парка, хотя эта мера и не стерла в нашей памяти тяжести пережитых впечатлений. Наше сознание вдруг проснулось, и весь мир принял другую окраску.

– Вам, сыновьям великого князя, хорошо живется, – сказал один из наших новых знакомых, – вы все имеете и живете в роскоши.

Мы запомнили эту странную фразу и удивлялись, что такое роскошь? Разве это правда, что мы имеем все, а те, остальные, – ровно ничего?

Перед нашим дворцом мы часто видели одного часового, красивого, веселого парня, который приветствовал нас по утрам широкой улыбкой, как-то не соответствовавшей серьезности момента отдания чести. Мы привыкли к нему, и его внезапное исчезновение заставило нас призадуматься, не послали ли его на фронт? Как-то во время завтрака мы услышали разговор двух офицеров свиты: молодой часовой покончил самоубийством, и найденное при нем письмо с известием о смерти жены явилось единственным объяснением его смерти.

– Вы ведь знаете этих деревенских парней, – говорил один из адъютантов, – они всегда хотят присутствовать при похоронах своих близких, и если им это не удастся, то на них нападает тоска.

Это все, что было сказано про улыбающегося солдата, стоявшего на своем посту в далеком Тифлисе и считавшего дни, которые отделяли его от свидания с женой. Но эта одинокая смерть поразила меня более, чем гибель десятков тысяч русских и турок, о которой говорила официальная сводка. Я постоянно ходил к тому месту, где солдат стоял на часах. Его преемник – ветеран средних лет, чью грудь украшали медали, с любопытством посмотрел на меня. Он взглянул сперва на свои сапоги, затем начал считать пуговицы на мундире, подозревая, что в его форме одежды что-либо не в порядке. Мне хотелось поговорить с ним и спросить, когда он в последний раз видел свою жену. Я знал, что с часовыми разговаривать не полагается, а потому молча стоял пред ним, и мы оба старались прочесть мысли друг друга. Я старался разгадать его горе, он же терзался мыслью о том, не оторвалась ли у него на мундире пуговица. Я уверен, что если бы мне теперь удалось каким-нибудь способом попасть в Тифлис, я бы без труда нашел то место, где русский солдат-часовой в 1878 году оплакивал потерю своей жены.

5

Мир был подписан летом 1878 года, а осенью мы отправились в С.-Петербург на свадьбу моей сестры Анастасии Михайловны с великим герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским.

Так как это было мое первое путешествие в Европейскую Россию, я волновался больше всех. Не отрываясь от окна вагона, я следил за бесконечной панорамой русских полей, которые показались мне, воспитанному среди снеговых вершин и быстрых потоков Кавказа, однообразными и грустными. Мне не нравилась эта чуждая мне страна, и я не хотел признавать ее своей родиной. Я видел покорные лица мужиков, бедные деревни, захолустные, провинциальные города, и спустя сутки после того, как наш поезд выехал из Владикавказа (до которого мы добрались в экипажах), меня стало неудержимо тянуть обратно в Тифлис. Отец заметил мое разочарование.

– Не суди обо всей России по ее провинции, – заметил он, – вот скоро увидишь Москву с ее 1600 церквями и Петербург с гранитными дворцами.

Я глубоко вздохнул. Мне пришлось уже столько слышать о храмах Кремля и о роскоши Императорского дворца, что я заранее был уверен, что они мне не понравятся.

Мы остановились в Москве, чтобы поклониться чудотворной иконе Иверской Божьей Матери и мощам святых Кремля, что являлось официальным долгом каждого члена императорской фамилии, проезжавшего через Москву.

Иверская часовня, представлявшая собой старое, маленькое здание, была переполнена народом, который хотел посмотреть на наместника и его семью. Тяжелый запах бесчисленных свечей и громкий голос диакона, читавшего молитву, нарушили во мне молитвенное настроение, которое обычно навеивает на посетителей чудотворная икона. Мне казалось невозможным, чтобы Господь Бог мог избрать подобную обстановку для откровения своим чадам святых чудес. Во всей службе не было ничего истинно христианского. Она скорее напоминала мрачное язычество. Боясь, что меня накажут, я притворился, будто молюсь, но был уверен, что мой Бог, Бог золотистых полей, дремучих лесов и журчащих водопадов, никогда не посетит Иверскую часовню.

Потом мы поехали в Кремль и поклонились мощам святых, почивавших в серебряных раках и закутанных в серебряные и золотые ткани. Пожилой монах в черной рясе водил нас от одной раки к другой, поднимая крышки и показывая место, куда надлежало прикладываться. У меня разболелась голова. Еще немного в этой душной атмосфере и я упал бы в обморок.

Я не хочу кощунствовать и тем более оскорблять чувства верующих православных. Я просто описываю этот эпизод, чтобы показать, какое ужасное впечатление оставил средневековый обряд в душе мальчика, искавшего в религии красоты и любви. Со дня моего первого посещения Первопрестольной и в течение последовавших сорока лет я по крайней мере несколько сот раз целовал в Кремле мощи святых. И каждый раз я не только не испытывал религиозного экстаза, но переживал глубочайшее нравственное страдание. Теперь, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет, я глубоко убежден, что нельзя почитать Бога так, как нам это завещали наши языческие предки.

Линия Москва – Петербург, протяжением в 605 верст, была оцеплена войсками. В течение всего пути мы видели блеск штыков и солдатские шинели. Ночью тысячи костров освещали наш путь. Сперва мы думали, что это входило в церемониал встречи наместника Кавказского, но потом мы узнали, что государь император предполагал в ближайшем будущем посетить Москву, а потому правительством были приняты чрезвычайные меры по охране его поезда от покушений злоумышленников. Это несказанно огорчило нас. По-видимому, политическая обстановка принимала крайне напряженный характер, если для поезда императора

необходимо было охранять каждую пядь дороги между двумя столицами. Это было так непохоже на то время, когда Николай I путешествовал почти без охраны по самым глухим местам нашей необъятной империи. Отец был очень огорчен и не мог скрыть своего волнения.

Мы приехали в Петербург как раз в период туманов, которым позавидовал бы Лондон. Лампы и свечи горели по всему дворцу. В полдень становилось так темно, что я не мог разглядеть потолка в моей комнате.

– Ваша комната приятна тем, – объяснил нам наш воспитатель, – что, когда туман рассеется, вы увидите напротив через Неву Петропавловскую крепость, в которой погребены все русские государи.

Мне стало грустно. Мало того, что предстояло жить в этой столице туманов, так еще в соседстве с мертвецами. Слезы показались у меня на глазах. Как я ненавидел Петербург в это утро. Даже и теперь, когда я тоскую по родине, то всегда стремлюсь увидеть вновь Кавказ и Крым, но совершенно искренно надеюсь никогда уже более не посетить прежнюю столицу моих предков.

Мне вспоминается, как я спорил на эту тему с родителями. Они любили Петербург, где провели первые счастливые годы своей супружеской жизни, но не могли вместе с тем порицать и моего пристрастия к Кавказу. Они соглашались с тем, что, в то время как Кавказ своей величавой красотой успокаивает и радует душу, Петербург неизбежно навеивает давящую тоску.

6

Все большие семьи страдают от чрезмерного честолюбия их мужских представителей. В этом отношении русская императорская семья не являлась исключением.

Во время моего первого пребывания в Петербурге в 1879 году она насчитывала почти два десятка молодых людей мужского пола.

У императора Александра II было пять сыновей: Александр (будущий император Александр III), Владимир, Алексей, Сергей и Павел.

Его брат, великий князь Михаил Николаевич (мой отец), имел шестерых сыновей: Николая, Михаила, Георгия, Александра, Сергея и Алексея Михайловичей.

Его второй брат, великий князь Николай Николаевич, имел двух сыновей: Николая (Николая Николаевича-младшего, ставшего в 1914 году верховным главнокомандующим) и Петра Николаевичей.

Его третий брат, великий князь Константин Николаевич, имел четырех сыновей: Константина, Дмитрия, Николая и Вячеслава Константиновичей.

Два старших сына императора: наследник цесаревич и великий князь Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович, женились рано, и у каждого было по три сына. У наследника: Николай (Ники) – будущий император Николай II, Георгий (Жорж, умерший в июне 1899 г. в Аббас-Тумане) и Михаил – от брака с принцессой Дагмарой Датской. У великого князя Владимира Александровича от брака с Марией, герцогиней Мекленбург-Шверинской: Кирилл, Борис и Андрей. Это были представители молодого поколения династии.

За исключением наследника и его трех сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и на флоте и соперничали друг с другом. Отсюда существование в императорской семье нескольких партий и, несмотря на близкое родство, некоторая взаимная враждебность. Вначале мы, «кавказцы», держались несколько особняком от «северян»: считалось, что мы пользовались особыми привилегиями у нашего дяди – царя. Мы же обвиняли «северян» в смешном высокомерии. У нас пятерых были свои любимцы и враги. Мы все любили будущего императора Николая II и его брата Георгия и не доверяли Николаю Николаевичу. Вражда между моим старшим братом Николаем Михайловичем и будущим главнокомандующим русской армии Николаем Никола-

евичем – вражда, начавшаяся со дня их первой встречи еще в детские годы, – внесла раздор в отношения молодых членов императорской семьи: им приходилось выбирать, кого они поддерживают и с кем дружат – с высоким Николашей или с начитанным Николаем Михайловичем.

Хотя я и был новичком в области придворных взаимоотношений, еще задолго до нашей встречи, которая произошла в 1879 году, я начал относиться неприязненно к врагу моего старшего брата. Когда же я его увидел впервые на одном из воскресных семейных обедов в Зимнем дворце, то не нашел причины изменить свое отношение к нему. Все мои родные без исключения сидели за большим столом, уставленным хрусталем и золотой посудой: император Александр II, мягкость доброй души которого отражалась в его больших, полных нежности глазах; наследник цесаревич – мрачный и властный, с крупным телом, которое делало его значительно старше своих тридцати четырех лет; суровый, но изящный великий князь Владимир; великий князь Алексей – общепризнанный повеса императорской семьи и кумир красавиц Вашингтона, куда он имел обыкновение ездить постоянно; великий князь Сергей, сноб, который отталкивал всех скукой и презрением, написанным на его юном лице; великий князь Павел – самый красивый и самый демократичный из всех сыновей государя.

Четыре Константиновича группировались вокруг своего отца великого князя Константина Николаевича, который из-за своих либеральных политических взглядов был очень непопулярен у старших членов семьи.

И наконец, наш «враг» Николаша. Самый высокий мужчина в Зимнем дворце, и это действительно было так, ибо средний рост представителей царской династии был шесть футов с лишком. В нем же было без сапог шесть футов пять дюймов, так что даже мой отец выглядел значительно ниже его. В течение всего обеда Николаша сидел так прямо, словно каждую минуту ожидал исполнения национального гимна. Время от времени он бросал холодный взгляд в сторону «кавказцев» и потом быстро опускал глаза, так как мы все как один встречали его враждебными взглядами.

К концу этого обеда мои симпатии и антипатии установились: я решил завязать дружбу с Ники и с его братом Георгием, с которым был уже знаком во время нашего пребывания в Крыму. Точно так же я был не прочь избрать товарищами моих игр великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича. Что же касается остальных великих князей, то я решил держаться от них подальше, насколько мне позволят этикет и вежливость. Глядя на гордые лица моих кузенов, я понял, что у меня есть выбор между популярностью в их среде и независимостью моей личности. И произошло так, что не только осенью 1879 года, но и в течение всей моей жизни в России я имел очень мало общего с членами императорской семьи, за исключением императора Николая II и его сестер и моих братьев. Бедный Георгий умер от скоротечной чахотки у нас под Боржомом. Великий князь Павел (отец великой княгини Марии Павловны-младшей) заключил в 1902 году мorganатический брак и должен был покинуть пределы России. Что же касается великого князя Дмитрия Константиновича, то в нем с ранних лет развился интерес исключительно к лошадям и к военной службе, что не могло способствовать установлению между нами близких отношений, хотя мы и были хорошими друзьями.

Когда-нибудь романист, обладающий талантом Золя, который не побоится потратить долгие годы на архивные изыскания, избрет историю последних Романовых в качестве сюжета для большого романа-хроники, и это будет произведением не менее замечательным, чем «История Ругон-Маккаров». Отцы и сыновья, кузены и братья, дяди и племянники – мы были между собой так непохожи характерами, наклонностями и интересами, что почти невозможно поверить, что всего какие-нибудь сорок лет и два царствования прошли между смертью железного правителя Европы Николая I и вступлением на престол его несчастного правнука, последнего русского царя Николая II.

7

Брак моей сестры Анастасии послужил как бы прологом к расколу нашей семьи. Три старших брата начали службу в гвардии, нужно было принять решение и о моей дальнейшей судьбе. Во всяком случае, мне стало ясно, что мы скоро все будем друг с другом разлучены. Анастасия первая начала взрослую, самостоятельную жизнь. Высокая, стройная и темноволосая, в тяжелом платье из серебряной парчи (традиционном для великих княгинь), она была изумительно хороша, когда император Александр II повел ее во главе свадебного шествия, в котором приняли участие представители всех царствующих домов Европы, через сады Зимнего дворца в дворцовую церковь. Сейчас же вслед за венчанием по православному обряду состоялось второе – по протестантскому. Таким образом были удовлетворены и русский, и германский императоры, а их родственники, великая княжна Анастасия Михайловна и герцог Фридрих Мекленбург-Шверинский, были дважды в течение сорока минут соединены брачными узами.

Семейный завтрак, поданный после второй брачной церемонии, и большой торжественный обед заполнили программу дня. Следующее утро было посвящено приему иностранных дипломатов, придворных и представителей духовенства. Потом состоялся еще один семейный обед. Только к концу второго дня жених и невеста могли сесть в специальный поезд, который должен был доставить их в Германию. Раздался свисток, почетный караул отдал честь, и мы потеряли из виду нашу Анастасию. Мать плакала, отец взволнованно теребил перчатку. Суровый закон, предписывающий членам царствующего дома вступать в браки с равными по крови членами иностранных династий, впервые поразил нашу семью. Этот закон тяготел над нами вплоть до 1894 года, когда я первый его нарушил, женившись на великой княжне Ксении, дочери моего двоюродного брата, императора Александра III.

Брак сестры Анастасии был поводом для отъезда моей матери весной за границу. Официальным предлогом этой поездки было ее желание, чтобы мы познакомились с ее братом, великим герцогом Баденским, неофициальным – мать мечтала повидать свою любимую дочь. В течение четырех месяцев тысячи верст будут отделять нас от нашего любимого Кавказа. Напрасно я пробовал прибегнуть ко всевозможным хитростям, чтобы остаться в Тифлисе, – родители не хотели считаться с моими желаниями. Так, летом 1880 года в Бадене я впервые встретил представителей нации, которым было суждено занять такое значительное место в моей жизни. Невдалеке от герцогского дворца, в парке, играли в теннис две хорошенькие молодые американки. Я влюбился в обеих сразу и не мог решить, которая из них мне больше нравится. Однако это не могло ни к чему привести, так как мне было строжайшим образом запрещено разговаривать с кем-либо из американцев, и за этим строго следил адъютант великого герцога. Девушки заметили мои влюбленные взгляды и, не имея представления о суровом приказе моей матери, решили, что я или застенчив, или же глуп. Каждый раз, когда они оканчивали трудный сэт, они садились на скамейку неподалеку от того места, где я стоял. Громко разговаривая, они делали замечания, которые мало щадили мое мужское самолюбие.

– Что такое с этим мальчиком, – говорила более высокая из них, – неужели он глухонемой? Может быть, нам придется изучить язык глухонемых?

Я молил Бога, чтобы этот проклятый адъютант оставил меня хоть на минуту в покое, дабы я мог опровергнуть убеждение этих прелестных барышень в отсутствии у меня дара речи, но немецких офицеров учат в точности исполнять приказания. В случае надобности он был способен простоять около меня, не отходя, круглые сутки. Мои робкие попытки улыбнуться незнакомкам стали вскоре известны во дворце и явились поводом к тому, что два моих брата и немецкие кузены, под предводительством будущего рейхсканцлера Макса Баденского, стали меня беспощадно дразнить. Я начал находить под подушкой коротенькие записки, написанные

рукой Михаила или Георгия, но подписанные «Любящие вас американские девушки». Маленькие американские флажки втыкались мне на пальто или же, когда я входил в гостиную, меня встречали звуками популярного американского марша, который играл один из моих мучителей на рояле. Только после двух недель молчаливой борьбы я уступил и стал держаться подальше от теннисной площадки в течение всего остального нашего пребывания в Баден-Бадене.

К началу осени мы возвратились в Тифлис.

Глава IV

Княгиня Юрьевская

1

Зимой 1880 года, в один из туманных, тихих вечеров сильный взрыв потряс здание Зимнего дворца. Было повреждено помещение, которое занимал караул л. – гв. Финляндского полка; было убито и ранено 40 офицеров и солдат. Это произошло как раз в тот момент, когда церемониймейстер появился на пороге столовой и объявил: «Его Величество!»

Маленькая неточность в расчете адской машины, помещенной в фундаменте дворца, спасла личные покои царя от разрушения. Было разбито только немного посуды и выбито несколько стекол в окнах.

Судебное расследование обнаружило совпавшее со взрывом внезапное исчезновение из дворца одного недавно нанятого камер-лакея. Последний, по-видимому, принадлежал к партии, которая получила название партии нигилистов – людей, задавшихся целью уничтожения, ниспровержения существующего строя и форм жизни и являвшихся, в сущности, зародышем будущего большевизма. Партия эта начала свою террористическую деятельность в семидесятых годах и значительно усилила ее после введения императором Александром II суда присяжных, который почти всегда заранее обеспечивал этим господам полное оправдание за их преступления и убийства. Так и после покушения Веры Засулич, пытавшейся убить в 1878 году петербургского генерал-губернатора Трепова, русское общество впервые услышало, как представитель судебной власти в своем резюме произнес красноречивую речь в защиту нигилизма.

Писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные деятели играли в либерализм и мечтали об установлении республиканского строя в России, стране, в которой только девятнадцать лет пред тем было уничтожено крепостное право.

Восемьдесят пять процентов русского народа было еще неграмотно, а наша нетерпеливая интеллигенция требовала немедленного всеобщего избирательного права для созыва Учредительного Собрания. Готовность монарха пойти на уступки еще более возбуждала аппетиты будущих «премьер-министров», а пассивность полиции поощряла развитие самых смелых революционных планов.

Идея царевубийства носилась в воздухе. Никто не чувствовал ее острее, чем Ф.М.Достоевский, на произведения которого теперь можно было смотреть, как на удивительные пророчества грядущего большевизма. Незадолго до смерти, в январе 1881 года, Достоевский в разговоре с издателем «Нового Времени» А.С.Сувориным заметил с необычайной искренностью:

– Вам кажется, что в моем последнем романе «Братья Карамазовы» было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алеша уйдет из монастыря и сделается нигилистом. И мой чистый Алеша – убьет царя...

2

При известии о покушении в Зимнем дворце отец сразу собрался в Петербург. В такое время он не мог оставаться вдали от своего любимого царственного брата. Нам было велено готовиться провести эту зиму в столице.

Тяжелые тучи нависли над всей страной. Торжественные встречи, устроенные нам властями по пути нашего следования на север, не могли скрыть всеобщей тревоги. Все понимали, что покушения на государя, ставшие хроническим явлением, прекратятся лишь тогда, когда

более твердая рука станет у власти. Многие предполагали, что мой отец должен взять на себя полномочия диктатора, ибо все уважали в нем твердость убеждений и бесстрашие солдата.

Но мало кто из русского общества сознавал, что даже самые близкие и влиятельные члены императорской семьи должны были в то время считаться с влиянием на государя посторонней женщины. Мы, дети, узнали о ее существовании накануне прибытия нашего поезда в Петербург, когда нас вызвали в салон-вагон к отцу.

Войдя, мы тотчас же поняли, что между нашими родителями разногласие. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отец курил, размахивая длинной, черной сигарой, что бывало чрезвычайно редко в присутствии матери.

– Слушайте, дети, – начал отец, поправляя на шее ленту ордена Св. Георгия Победоносца, полученного им за покорение Западного Кавказа, – я хочу вам что-то сказать, пока мы еще не приехали в С.-Петербург. Будьте готовы встретить новую императрицу на первом же обеде во дворце.

– Она еще не императрица! – горячо перебила моя мать. – Не забывайте, что настоящая императрица умерла всего только десять месяцев тому назад!

– Дай мне кончить... – резко перебил отец, повышая голос. – Мы все – верноподданные нашего государя. Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый великий князь должен также исполнять его приказы, как последний рядовой солдат. Как я уже начал вам объяснять, дети, ваш дядя государь удостоил браком княжну Долгорукую. Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской до окончания траура по вашей покойной тетушке императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего императора. От второго брака государя есть дети, трое: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

– Вы, однако, слишком далеко заходите, – сказала матушка по-французски, с трудом сдерживая свой гнев.

Мы пятеро переглядывались. Тут я вспомнил, что во время нашего последнего пребывания в Петербурге нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми.

– Сколько лет нашим кузенам? – прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всем.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

– Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, – сухо сказал он.

– Как же это возможно?.. – начал было Сергей, но отец поднял руку:

– Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях в Зимнем дворце. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и что, по-видимому, государь женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово «любовница» было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода.

3

Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда в следующее после нашего приезда воскресенье вечером члены императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно.

– Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, а моя будущая теща, жена наследника престола Мария Федоровна, потупилась...

Император быстро вошел, ведя под руку молодую красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с императором в кресло покойной императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который, так получилось, был императором?

Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что нам, молодым, княгиня, по крайней мере, понравилась.

К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

– А вот и мой Гога! – воскликнул гордо император, поднимая в воздух веселого мальчугана и сажая его на плечо. – Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

– Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, – ответил Гога и начал возиться с бакенбардами императора, теребя их ручонками.

– Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! – шутил государь. – А не хочется ли вам, молодой человек, сделаться великим князем?

– Саша, ради Бога, оставь! – нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и, в первый раз забыв об этикете двора, во всеуслышание назвала своего супруга уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слишком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: император решил игнорировать неудовольствие членов императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить веселое воскресенье для своих детей. После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с так называемых русских горок. Мальчуган старался подружиться со всеми нами и в особенности с моим двоюродным племянником Ники (будущим императором Николаем II), которого очень забавляло, что у него, тринадцатилетнего, есть семилетний дядя.

На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

– Что бы ты ни говорил, – заявила моя мать, – я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть твоего брата Сашей.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

– Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, – ответил он кротко, – хороша она или плоха, но она замужем за государем. С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня «Ваше Императорское Величество?»

– Как можно делать такие глупые сравнения! – сказала моя мать со слезами на глазах. – Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибель империи.

– Я запрещаю, – он делал при этом ударение на каждом слове, – повторять эти позорные сплетни! Будущей императрице вы и все члены императорской семьи, включая наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!

Где я видел княгиню Юрьевскую? – спрашивал я себя, прислушиваясь к разговору родителей. И в моей памяти воскресла картина придворного бала в один из прошлых наших приездов в С.-Петербург.

Громадные залы Зимнего дворца были украшены орхидеями и другими тропическими растениями, привезенными из императорских оранжерей. Бесконечные ряды пальм стояли на главной лестнице и вдоль стен галерей. Восемьсот служащих и рабочих две недели трудились над украшением дворца. Придворные повара и кондитеры старались перещеголять один другого в изготовлении яств и напитков.

Мне разрешили надеть на бал форму 73-го Крымского пехотного полка, шефом которого я состоял от рождения, и я важно выступал между кавалергардами в касках с двуглавым орлом, которые стояли при входе в зал.

Весь вечер я старался держаться подальше от родителей, чтобы какое-нибудь неуместное замечание не нарушило моего великолепия.

Высочайший выход открыл бал. Согласно церемониалу, бал начинался полонезом. Государь шел в первой паре рука об руку с цесаревной Марией Федоровной, за ним следовали великие князья и великие княгини в порядке старшинства. Так как великих княгинь, чтобы составить пары, было недостаточно, младшие великие князья, как я, должны были идти в паре с придворными дамами. Моя дама была стара и помнила детство моего отца. Наша процессия не была, собственно говоря, танцем в совершенном значении этого слова. Это было торжественное шествие с несколькими камергерами впереди, которые возвещали наше прохождение через все залы Зимнего дворца. Мы прошли три раза через залы, после чего начались танцы. Кадриль, вальс и мазурка были единственными танцами того времени, допущенными этикетом.

Когда пробила полночь, танцы прекратились, и государь в том же порядке повел всех к ужину. Танцующие, сидящие и проходящие через одну из зал часто поднимали глаза на хоры, показывали на молодую, красивую даму и о чем-то перешептывались. Я заметил, что государь часто смотрел на нее, ласково улыбаясь. Это и была княгиня Юрьевская.

Граф Лорис-Меликов часто покидал залу. Возвращаясь, он каждый раз подходил к государю и что-то докладывал ему. По-видимому, темой его докладов были те чрезвычайные меры охраны, которые были приняты по случаю бала. Их разговор заглушался пением артистов Императорской оперы, которые своей программой, составленной из красивых, но грустных мелодий, усиливали напряженность атмосферы и навевали тоску. Как бы то ни было, но низким басам и высоким сопрано не удалось согнать бодрой улыбки с лица государя.

Государь удалился сейчас же после ужина. Танцы возобновились, но моя дама заснула. Я пробежал по залам, чтобы поговорить по душам с бывшим адъютантом моего отца, только что прибывшим из Тифлиса. Я жаждал услышать новости о миллом Кавказе, где можно было спать спокойно. Двухмесячное пребывание в С.-Петербурге приучило меня слышать взрыв в каждом подозрительном шорохе.

4

Губительное влияние княгини Юрьевской явилось темой всех разговоров зимою 1880/81 года. Члены императорского дома и представители петербургского общества открыто обвиняли ее в намерении передать диктаторские полномочия ее любимцу графу Лорис-Меликову и установить в империи конституционный образ правления.

Как всегда бывает в подобных случаях, женщины были особенно безжалостны к матери Гоги. Руководимые уязвленным самолюбием и ослепленные завистью, они спешили из одного великосветского салона в другой, распространяя самые невероятные слухи и поощряя клевету. Факт, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рождению к одному из стариннейших русских родов Рюриковичей, делал ее положение еще более трудным, ибо неугомонные сплетники распространили фантастические слухи об исторической вражде между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, как какой-то старец 200 лет тому назад предсказал преждевременную смерть тому из Романовых, который женится на Долгорукой. В подтверждение этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Разве он не погиб в день, назначенный для его бракосочетания с роковой княжной Натальей Долгорукой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?

Напрасно наш лейб-медик старался доказать суеверным сплетникам, что медицинская наука в восемнадцатом столетии не умела бороться с натуральной оспой и что молодой император умер бы так же, если бы обручился с самой счастливой девушкой на свете. Сплетники выслушивали мнение медицинского авторитета, но продолжали свою кампанию.

Начало романа государя с княжной Долгорукой общественное мнение связывало с выступлениями нигилистов.

– Мой милый доктор, – говорила одна титулованная дама с большими связями, – при всем моем уважении к успехам современной науки я, право, не вижу, как ваши коллеги могли бы воспрепятствовать нигилистам бросать бомбы в направлении, указанном нашим великим диктатором?

Последнее относилось к графу Лорис-Меликову, примиренческая политика которого вызывала бурю негодования у сановников без постов и у непризнанных спасителей отечества. Карьера и деятельность Лорис-Меликова являлись неисчерпаемой темой для разговоров в светских и политических салонах. Храбрый командир корпуса и помощник моего отца во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., граф Лорис-Меликов, по мнению своих врагов, стал послушным орудием в руках княгини Юрьевской. Назначенный на пост канцлера империи, Лорис-Меликов пользовался полным доверием царя, и его глубокая привязанность к монарху была очевидна. В смертельной схватке с террористами пред его глазами часто возникал образ двух влюбленных из Зимнего дворца, которые молили не нарушать их идиллии. Классическая фраза про человека, который знает хорошую дорогу, но предпочитает идти по плохой, как нельзя более подходила к этому честному солдату. После долгих колебаний он решил внять мольбам влюбленной женщины и протянуть руку примирения революционерам, что и ускорило катастрофу. Революционеры удвоили свои требования и стали грозить открытым восстанием. Люди, преданные престолу, возмущались и уклонялись от деятельности. А народ – эти сто двадцать пять миллионов крестьян, раскинутых по всему лицу земли русской, – говорил, что помещики наняли армянского генерала, чтобы убить царя за то, что он дал мужикам волю.

Удивительное заключение, но оно представлялось вполне логичным, если принять во внимание, что, кроме С.-Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров, в которых выходили газеты, вся остальная страна питалась слухами.

Правитель страны, обладавший известным политическим цинизмом, мог бы легко использовать эти народные настроения для поддержания принципа абсолютной монархии, но питомцы военной академии никогда не изучали тонкое искусство политического цинизма. Накануне нового, 1881 года Лорис-Меликов представил на утверждение Александра II проект коренной реформы русского государственного устройства, в основу которого были положены принципы английской конституции.

5

Было бы слишком слабым сравнением, если бы я сказал, что мы все жили в осажденной крепости. На войне друзья и враги известны. Здесь мы их не знали. Камер-лакей, подававший утренний кофе, мог быть на службе у нигилистов. Со времени ноябрьского взрыва каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, казался нам имеющим при себе адскую машину.

Ввиду значительности пространства, занимаемого Петербургом, полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за пределами их дворцов. Великие князья просили государя переселиться в Гатчинский дворец, но доверчивый Александр II, унаследовавший от своего отца его храбрость, наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршрут своих ежедневных прогулок. Он категорически настаивал на неизменности обычного образа жизни, включая прогулки в Летнем саду и воскресные парады войск гвардии. То, что мой отец должен был неизменно сопровождать государя во время этих воскресных парадов, приводило мою матушку в невероятный ужас, а отец подсмеивался над ее страхами, ссылаясь на непоколебимую верность армии. Но женский инстинкт оказался сильнее логики.

– Я не боюсь ни офицеров, ни солдат, – говорила мать, – но я не верю полиции, в особенности в воскресные дни. Путь к Марсову полю достаточно длинен, чтобы все местные нигилисты могли видеть ваш проезд по улицам. Я ни в коем случае не могу рисковать жизнью детей, они должны оставаться дома и не ездить на парады.

В воскресенье 1 марта 1881 года мой отец поехал, по своему обыкновению, на парад в половине второго. Мы же, мальчики, решили отправиться с Ники и его матерью кататься на коньках. Мы должны были зайти за ними во дворец после трех часов дня.

Ровно в три часа раздался звук сильнейшего взрыва.

– Это бомба! – сказал мой брат Георгий.

В тот же момент еще более сильный взрыв потряс стекла окон в нашей комнате. Мы кинулись на улицу, но были остановлены воспитателем. Через минуту в комнату вбежал запыхавшийся лакей.

– Государь убит! – крикнул он. – И великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

На его крик мать выбежала из соседней комнаты. Мы все бросились к стоявшей у подъезда карете и помчались в Зимний дворец. По дороге нас обогнал батальон л. – гв. Преображенского полка, который, с ружьями наперевес, бежал в том же направлении.

Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна черной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет государя. Отец стоял там в дверях, отдавая приказания служащим. Он обнял матушку, а она, потрясенная тем, что он невердим, упала в обморок.

Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора суетились около него, но было очевидно, что государя нельзя спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: правая нога оторвана, левая разбита, бесчис-

ленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой – смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим члены императорской фамилии. Комната была переполнена. Я схватил руку Ники, который стоял близко от меня, смертельно бледный, в своем синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала коньки в дрожащих руках.

Я нашел цесаревича по его широким плечам: он стоял у окна.

Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать ее при входе. Она упала навзничь на тело царя, покрывая его руки поцелуями и крича: «Саша! Саша!» Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями.

Агония продолжалась сорок пять минут. Все, кто тогда там был, никогда не могли ее забыть. Из всех присутствовавших никого, кроме меня, теперь не осталось в живых. Большинство из них погибли 37 лет спустя от руки большевиков.

Комната была убрана в стиле ампир, с драгоценными безделушками, разбросанными по столам, и многочисленными картинами по стенам. Над дверями была повешена увеличенная фотография моих братьев Николая, Михаила, Георгия и меня, снятых на уроке артиллерии у орудия в Тифлисе. Вид этой картины разрывал мое сердце.

– Спокойнее держись! – прошептал наследник, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывший градоначальник сделал подробный рапорт о происшедшей трагедии. Первая бомба убила двоих прохожих и ранила казачьего офицера, которого злоумышленник принял за моего отца. Император вышел из экипажа невредим. Кучер умолял его вернуться боковыми улицами обратно во дворец, но государь стал оказывать помощь раненым. В это время какой-то незнакомец, который все время стоял на углу, бросил вторую бомбу под ноги государю. Это произошло менее чем за минуту до появления моего отца; его задержал визит к великой княгине Екатерине Михайловне. Задержка спасла ему жизнь.

– Тише! – возгласил доктор. – Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз без всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

– Государь император скончался! – громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала как подкошенная на пол. Ее розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью.

Мы все опустились на колени. Слева от меня стоял новый император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Ники тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

– Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? – спросил смущенно градоначальник.

– Приказания? – переспросил Александр III. – Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Анич-ковом дворце.

Он дал рукой знак цесаревне Марии Федоровне, и они вышли вместе. Ее миниатюрная фигура подчеркивала могучее телосложение нового императора.

Толпа, собравшаяся перед дворцом, громко крикнула «ура». Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о царе, как этот богатырь с русой бородой.

Стоя у осына, мы видели, как он большими шагами шел к коляске, а его маленькая жена еле поспевала за ним. Он некоторое время отвечал на приветствия толпы, затем коляска дви-

нулась, окруженная сотнею донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко блестели красным отблеском в последних лучах багрового мартовского заката.

Из комнаты почившего вынесли бесчувственную княгиню Юрьевскую в ее покои, и доктора занялись телом покойного императора.

Где-то в отдалении горько плакал маленький Гога.

Глава V

Император Александр III

1

Бесчисленные огни высоких свечей. Духовенство в траурном облачении. Хоры придворных и митрополичьих певчих. Седые головы коленопреклоненных военных. Заплаканные лица великих княгинь. Озабоченный шепот придворных. И общее внимание, обращенное на двух монархов: одного, лежащего в гробу с кротким, израненным лицом, и на другого, стоящего у гроба, сильного, могучего, преодолевшего свою печаль и ничего не страшящегося.

В течение семи дней мы присутствовали два раза в день на торжественных панихидах в Зимнем дворце. На утро восьмого дня тело торжественно перенесли в собор Петропавловской крепости. Чтобы дать возможность народу проститься с прахом царя-освободителя, был избран самый длинный путь, и, таким образом, траурная процессия прошла по главным улицам столицы.

Нервы наши были напряжены до последней степени. Физическая усталость в соединении с вечной тревогой довела нас, молодежь, почти до истерического состояния. Ночью, сидя на кроватях, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшего воскресенья и спрашивали друг друга, что же будет дальше? Образ покойного государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что нечто несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с царем-батюшкой и его верноподданым народом перестала существовать 1 марта 1881 года. Мы понимали, что русский царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – все это будет погребено вместе с убитым императором в склепе Петропавловской крепости. Взрывом в минувшее воскресенье был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским царем и стихиями отрицания и разрушения.

2

К счастью для России, император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора. Убежденный сторонник здоровой национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, государь вступил на престол предков, готовый к борьбе. Он слишком хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а его основательное знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям. Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям.

Через 24 часа после погребения Александра II Александр III особым манифестом дал перечень намеченных им реформ. Многие подлежали коренному изменению: методы управления, взгляды, сами сановники, дипломаты и прочее... Граф Лорис-Меликов и другие министры были уволены в отставку, а их заменили люди дела, взятые не из придворной среды, что вызвало немедленное возмущение в петербургских аристократических салонах.

– Наступили дни «черной реакции», – уверяли безутешные сторонники либеральных реформ, но биографии новых министров, казалось бы, опровергали это предвзятое мнение. Князь Хилков, назначенный министром путей сообщения, провел свою полную приключений молодость в Соединенных Штатах, работая в качестве простого рабочего на рудниках Пенсильвании. Профессор Вышнеградский – министр финансов – пользовался широкой известностью за свои оригинальные экономические теории. Ему удалось привести в блестящее состояние финансы империи и немало содействовать промышленному развитию страны. Заслуженный герой русско-турецкой войны генерал Ванновский был назначен военным министром. Адмирал Шестаков, высланный Александром II за границу за беспощадную критику нашего военного флота, был вызван в Петербург и назначен морским министром. Новый министр внутренних дел граф Толстой был первым русским администратором, осознавшим, что забота о благосостоянии крестьян России должна быть первой задачей государственной власти.

С.Ю.Витте, бывший скромным чиновником управления Юго-Западных железных дорог, обязан был своей головокружительной карьерой дальновзоркости императора Александра III, который, назначив его товарищем министра, сразу же признал его талант.

Назначение Тирса, тонко воспитанного, но лишеного всяческой инициативы человека, на пост министра иностранных дел вызвало немалое удивление как в России, так и за границей. Но Александр III только усмехался. Охотнее всего он предпочел бы самолично быть русским министром иностранных дел, но так как он нуждался в подставном лице, то выбор его пал на послушного чиновника, который должен был следовать намеченному им, монархом, пути, смягчая резкие выражения русского царя изысканным стилем дипломатических нот. Последующие годы доказали и несомненный ум Тирса. Ни один «международный властитель дум и сердец», ни один «кумир европейских столиц» не мог смутить Тирса в его точном исполнении приказаний императора. И, таким образом, впервые после вековых ошибок Россия нашла свою ярко выраженную национальную политику по отношению к иностранным державам.

Сформировав Совет министров и выработав новую политическую программу, Александр III обратился к важному вопросу обеспечения безопасности царской семьи.

Он разрешил его единственным логическим способом – переехав на постоянное жительство в Гатчинский дворец. Гордость царя была задета: «Я не боялся турецких пуль и вот должен прятаться от революционного подполья в своей стране», – говорил он с раздражением. Но император Александр III осознавал, что Российская империя не должна подвергаться опасности потерять двух государей в течение одного года.

Что же касается его государственной работы, то она только выиграла от расстояния, отделявшего Гатчину от С.-Петербурга. Это расстояние дало Александру III предлог для того, чтобы сократить, сколько возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитов родственников. Император томился на семейных собраниях. Он находил бесцельной тратой времени бесконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями. Он не имел ничего против самых маленьких – Сергей и я почти ежедневно посещали Ники и Жоржа (Георгия Александровича), но для взрослых, осаждавших его вечными проблемами, у царя не было ни терпения, ни времени.

В продолжение царствования Александра III Гатчинский дворец стал наконец тем, чем он должен был быть, – местом трудов самого знатного человека России.

3

Мы обязаны британскому правительству тем, что Александр III очень скоро выказал всю твердость своей внешней политики. Не прошло и года по восшествии на престол молодого императора, как произошел серьезный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взирала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли

русскую территорию по соседству с крепостью Кушка. Командир военного округа телеграфировал государю, испрашивая инструкций. «Выгнать и проучить как следует», – был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков верст наши казаки, которые хотели взять в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но те успели скрыться.

Британский посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

– Мы этого не сделаем, – сказал император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. – Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, – заявил государь.

Гире задрожал.

– Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

– Хотя бы и так, – ответил император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента.

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться Европе.

Виновицей второго инцидента оказалась Австрия. Венское правительство противилось нашему «непрерывному вмешательству в сферу влияния Австро-Венгрии» на Балканах, и австро-венгерский посол в С.-Петербурге угрожал нам войною.

На большом обеде в Зимнем дворце, сидя за столом напротив царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос. Царь сделал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата.

– Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, – спокойно сказал царь.

– Во всем свете у нас только два верных союзника, – любил он говорить своим министрам, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас.

Это мнение Александр III выразил однажды в очень откровенной форме на обеде, данном в честь прибывшего в Россию князя Николая Черногорского, в присутствии всего дипломатического корпуса. Подняв бокал за здоровье своего гостя, Александр III провозгласил следующий тост:

– Я пью за здоровье моего друга, князя Николая Черногорского, единственного искреннего и верного союзника России вне ее территории.

Присутствовавший Гире открыл рот от изумления; дипломаты побледнели.

Лондонская «Таймс» писала на другое утро «об удивительной речи, произнесенной русским императором, идущей вразрез со всеми традициями в сношениях между дружественными державами».

Но в то время как Европа все еще обсуждала последствия инцидента под Кушкой, русское императорское правительство сделало новое заявление, заставившее лондонский кабинет запросить по телеграфу Петербург о достоверности полученной в Лондоне ноты. Не признавая условий позорного Парижского мира 1855 г., по которому России запрещено было иметь на Черном море военный флот, Александр III решил спустить на воду несколько военных кораблей именно в Севастополе, где коалиция европейских держав унизила русское имя в 1855 году.

Царь выбрал для этого чрезвычайно благоприятный момент, когда никло из европейских держав, за исключением Англии, не был склонен угрожать войною России. Франция злилась на Англию за ее невмешательство в войну 1870–1871 годов. Турция еще помнила урок 1877–1878 годов. Австрия была связана политикой Бисмарка, который мечтал заключить с Россией союз. Проект «Железного канцлера» был бы несомненно осуществлен, если бы Александр III не чувствовал личной неприязни к молодому неуравновешенному германскому императору, а Вильгельм II и Бисмарк не могли понять характера русского императора. Во время их визита в С.-Петербург они оба вели себя совершенно невозможно. Вильгельм II держал громкие речи, а Бисмарк позволил себе прочесть Александру III целую лекцию об искусстве управления империей. Все это окончилось плохо. Бисмарка поставили на место, а Вильгельма высмеяли. Оба монарха – русский и германский – представляли своими личностями разительный контраст. Вильгельм – жестикулирующий, бегающий взад и вперед, повышающий голос и извергающий целый арсенал международных планов; Александр III – холодный, сдержанный внешне, как бы забавляющийся экспансивностью германского императора, но в глубине души возмущенный его поверхностными суждениями.

Те из нас, которым пришлось быть свидетелями событий 1914 года, склонны упрекать Александра III в том, что в нем личные чувства антипатии к Вильгельму II взяли перевес над трезвостью практического политика. Как могло случиться, что русский монарх, бывший воплощением здравого смысла, отклонил предложения Бисмарка о русско-германском союзе и согласился на рискованный союз с Францией? Этому можно найти очень простое объяснение. Не будучи провидцем ошибок, допущенных в иностранной политике в царствование Николая II, и последствий неудачной русско-японской войны и революции 1905 года, Александр III, кроме того, переоценивал наше военное могущество.

Он был уверен, что в Европе воцарится продолжительный мир, если Россия морально поддержит Французскую республику, предостерегая таким образом Германию от агрессивности 1870 г. Возможность вмешательства Франции в решительную борьбу между Англией и Германией за мировое владычество на морях просто не приходила царю в голову. Если бы он остался долее у власти, то с негодованием отверг бы роль франко-английского парового катка, сглаживающего малейшую неровность на их пути, – каковая роль была навязана России в 1914 году.

Он жаждал мира, сто лет ненарушимого мира. Только открытое нападение на Россию заставило бы Александра III участвовать в войнах. Горький опыт XIX века научил царя, что каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть. Александр I спас Европу от Наполеона I, и следствием этого явилось создание на западных границах Российской империи могучих Германии и Австро-Венгрии. Его дед Николай I послал русскую армию в Венгрию для подавления революции 1848 г. и восстановления Габсбургов на венгерском престоле, и в благодарность за эту услугу император Франц Иосиф потребовал себе политических компенсаций за свое невмешательство во время Крымской войны. Император Александр II остался в 1870 году нейтральным, сдержав таким образом слово, данное императору Вильгельму I, а восемь лет спустя на Берлинском конгрессе Бисмарк лишил Россию плодов ее побед над турками.

Французы, англичане, немцы, австрийцы – все в разной степени делали Россию орудием для достижения своих эгоистических целей. У Александра III не было дружеских чувств в отношении Европы. Всегда готовый принять вызов, он, однако, при каждом удобном случае давал понять, что интересуется только тем, что способствует благосостоянию 150 миллионов населения России.

4

Двадцать шесть месяцев, протекших между убийством Александра II и коронацией Александра III, отмечены прямо магическим улучшением международного положения России. Мудрый гатчинский самодержец нанес сокрушительный удар. Большинство русских революционеров были арестованы и понесли наказание. Другие спрятались в подполье или же бежали за границу. «Новая эпоха для крестьян», провозглашенная с высоты трона, означала, что царь понимал необходимость тесного общения с русским народом. Учреждение должности земских начальников в 1882 году заполнило пробел, оставленный освободительной реформой. Действуя в качестве представителей власти на местах, земские начальники значительно способствовали упорядочению русского крестьянского быта.

Они разрешали споры по вопросам крестьянского землевладения и землепользования, отправляли функции судей первой инстанции по маловажным делам, способствовали переселению малоземельных в Сибирь и в Туркестан и содействовали развитию сельской кооперации. Но самое главное – это то, что они повели беспощадную борьбу с подсознательным духом анархии среди крестьянства, являвшимся последствием исторических процессов – как-то: татарского ига, пугачевщины и крепостного права.

Чтобы оценить эту реформу Александра III, нужно иметь в виду, что русское крестьянство любило монарха, а к правительству относилось с недоверием. Еще не сознавая государственной необходимости какого бы то ни было правительства, наша деревня взирала на власть, как на аппарат принуждения, высасывающий из народа соки и ничего не дающий взамен. Правительство требовало рекрутов, взимало подати, поддерживало авторитет запретительных мер и мало поощряло народные массы. Пока русские крестьяне находились в крепостном состоянии, они сознавали, что помещики, как бы плохи они ни были, охраняли их от нажима власти. Получив в 1861 году вольную, русские крестьяне не могли больше надеяться на опеку своих прежних господ и сделались добычей революционных агитаторов, обещающих золотую эру свободы и безначалия по ниспровержении самодержавия.

Вполне понятно, что вначале введение института земских начальников было встречено в левых русских кругах враждебно. Русское «общественное мнение» находило, что правительство в лице земских начальников учредило на местах должности правительственных шпионов. К тому же задача новых должностных лиц оказалась непосильно тяжелой: кроме больших знаний и опытности должность земского начальника требовала от вновь посвященных большого такта и даже дипломатических способностей. Шаг за шагом должны были земские начальники завоевать доверие крестьян.

Император Александр III с большим интересом следил за успехами своих посланников, аккредитованных при «их величествах мужиках». Конечной целью задуманной реформы было увеличение площади крестьянского землевладения. К сожалению, преждевременная кончина государя помешала ему осуществить его заветную мечту: создание в России крепкого класса крестьян – мелких земельных собственников. Тем не менее введение института земских начальников имело для сельского населения России положительное значение, лучшим доказательством чему явилась та враждебность, с которой отнеслись к реформе революционные круги. Разговаривая с делегацией крестьян во время коронационных торжеств в мае 1883 года в Москве, царь просил их высказать свое откровенное мнение об учреждении должности земских начальников. В этой делегации участвовало свыше десяти тысяч крестьян со всех концов необъятной России. И старые, и молодые – все высказались единогласно в пользу новых царских чиновников, которые относились к сельскому населению с большой заботой и дружелюбием, причем крестьяне даже просили, чтобы судебные функции земских начальников были по возможности расширены.

5

Ни один очерк царствования императора Александра III не в состоянии дать более яркой характеристики новой эпохи русского самодержавия, чем описание коронавания их величеств в 1883 году.

Иностранные гости, проведенные в Москве незабываемую неделю с 10 по 17 мая, почувствовали, что они присутствуют при том, как создается история новой России. Казалось, что новая Россия, со всеми ее неограниченными возможностями, выявила свой полностью новый облик в древней столице русских царей. С конца апреля прилив сотен тысяч приезжих из различных губерний и областей, а также из-за границы почти утроил население Первопрестольной. Экстренные поезда прибывали в Москву почти каждый час и доставляли коронованных особ Европы, членов царствовавших домов и представителей иностранных государств. Министр императорского двора, бывший председателем комитета по приему высоких гостей, буквально разрывался на части, с трудом поспевая с вокзала на вокзал, следя за последними приготовлениями и за строгим исполнением сложного церемониала. По установившемуся обычаю, прибывавших высочайших особ должны были встречать на вокзале и сопровождать повсюду лица, по положению равные, а это означало, что мы, великие князья, должны были все наше время уделять прибывшим высоким гостям. Я должен был оказывать знаки гостеприимства эрцгерцогу Карлу-Людвигу¹ Австрийскому и его поразительно красивой жене Марии Терезии. Мы очень быстро подружились, хотя меня и утомляло сопровождать их повсюду, давая бесконечные объяснения относительно церквей, музеев, исторических зданий и святых Кремля. Должно быть, я хорошо справился с моей не слишком завидной миссией, так как к концу празднеств мои высокие гости выразили желание посетить С.-Петербург и просили царя, чтобы я сопровождал их в столицу.

Коронационные празднества открылись торжественным въездом государя и его семьи в Москву. В половине девятого утра великие князья и иностранные принцы ожидали верхом на конях у крыльца Троицкого дворца выхода Александра III, чтобы сопровождать его при въезде в Кремль. Ровно в 10 час. утра царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал впереди нас всех, эскадрон кавалергардов ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой. В первом экипаже сидела императрица Мария Федоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и греческой королевой Ольгой. В остальных разместились великие княгини, принцессы королевской крови и заслуженные статс-дамы.

Громовое «ура» сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где император сошел с коня и в сопровождении императрицы вошел в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божьей Матери. Мы въехали в Кремль через Спасские ворота и подъехали к Архангельскому собору. Официальная программа дня закончилась молебствием, отслуженным митрополитом Московским при участии хора Придворно-певческой капеллы. Вторая половина дня 12 мая и весь следующий день были заняты обменом визитами между членами императорской фамилии и иностранными высочайшими особами, а также различными развлечениями, данными в их честь. 15 мая началось салютом в 101 выстрел со стен Кремля. Мы собрались в зале Большого дворца. На этот раз мы представляли собой очень живописную группу, так как каждый из великих князей и иностранных принцев был одет в форму своего полка. Вспоминаю герцога Эдинбургского, младшего сына королевы Виктории, чрезвычайно элегантного в форме адмирала британского флота. Русские великие князья надели, ради

¹ В англ. тексте – Альбрехту. – *Прим. ред.*

торжественного случая, цепи ордена Св. Андрея Первозванного, украшенные бриллиантами, с бриллиантовыми же двуглавыми орлами. На великих княгинях и иностранных принцессах были великолепные драгоценности, и я думаю, что ни я, ни кто другой не видал такого количества роскошных украшений, как в этот день 15 мая 1883 года.

В зале царя была полная, как бы священная тишина. Все замерло в течение нескольких минут до выхода государя и государыни. Мы все находились под впечатлением предстоящего таинства и понимали, что слова излишни в такой день, когда русский самодержец получает благословение Всевышнего и помазание на царство. Конечно, последняя фраза может показаться наивной многим убежденным демократам, но многочисленные сцены «народных вотумов», которые мне приходилось наблюдать в демократических странах, заставляют меня относиться с большим недоверием и к демократии, и ко всем ее формам.

Государь и государыня появились, когда часы пробили девять. Привыкнув к скромной жизни Гатчинского двора, Александр III был явно недоволен окружавшей его пышностью. «Я знаю, – говорило выражение его лица, – что мне через это надо пройти, но чем скорее все это будет окончено, тем для меня будет приятнее». Императрица, по-видимому, наоборот, наслаждалась. Ей было приятно видеть своих родных. Она любила торжественные церемонии. Миниатюрная, по сравнению с великаном царем, она расточала всем присутствующим свою ласковую чарующую улыбку. Залитая драгоценностями, как некое восточное божество, она двигалась вперед маленькими шагами, и четыре камер-пажа несли ее длинный, вышитый золотом и отороченный горностаем шлейф. После традиционного целования руки, в котором приняли участие все присутствовавшие, и дамы в том числе, во время которого государь стоял посередине зала и наблюдал за происходящим из-под своих густых бровей, гофмаршал объявил, что все готово к выходу. Государь подал руку императрице, и шествие двинулось к выходу через залы, наполненные придворными, дипломатами, министрами и военными.

Следуя церемониалу, императорская чета вышла на Красное Крыльцо и, по старинному обычаю, трижды земно поклонилась многотысячной толпе, стоявшей в Кремле. Оглушительные крики «ура» встретили высочайший выход. Это был самый лучший момент коронационных торжеств, заставивший нас вспоминать о древних русских царях: начиная с Ивана III все русские цари выражали свою готовность служить народу этими тремя земными поклонами со ступеней Красного Крыльца. Затем шествие двинулось на специально сооруженный деревянный помост, покрытый красным сукном, который вел в Успенский собор. Со своего места я видел российские императорские регалии, которые важно несли высшие сановники двора: государственное знамя, меч, скипетр, щит и замечательно красивую императорскую корону.

Восемь генерал-адъютантов держали над государем красный с золотом балдахин; восемь камергеров держали такой же балдахин над императрицей, два фельдмаршала – мой отец и мой дядя Николай Николаевич – шли непосредственно за государем, остальные члены императорской фамилии, а также иностранные принцы и принцессы следовали за императрицей.

Дворцовые гренадеры в формах 1812 года и в медвежьих шапках стояли вдоль пути царского следования. С колокольни Ивана Великого раздался тяжелый удар большого колокола, и тотчас же вслед за ним сорок сороков московских храмов начали торжественный перезвон. Раздались величавые звуки народного гимна, который исполнял хор в пятьсот человек. Глядя с высоты вниз на океан мелькающих рук и непокрытых голов, я видел лица, мокрые от слез. Я сам старался проглотить слезы, волнение сдавило мне горло – Россия в эту минуту во мне победила кавказца.

Три митрополита и сонм архиепископов и епископов встретили их величества при входе в собор и проводили к тронам, сооруженным посреди храма. Большая ложа направо была предназначена для царской фамилии и иностранных принцев, ложа налево – для высших сановников империи, военных и иностранных дипломатов.

Я с нетерпением прослушал длинную торжественную службу, которую служил Высокопреосвященнейший Исидор, митрополит С.-Петербургский, как старший по посвящению митрополит.

Когда, наконец, наступил долгожданный момент, митрополит взял с красной подушки императорскую корону и передал ее в руки царя. Александр III возложил собственноручно корону на свою голову и затем, взяв вторую корону – императрицы, повернулся к коленопреклоненной государыне и надел ей на голову корону. Этим обрядом символизировалась разница между правами императора, данными ему свыше, и прерогативами императрицы, полученными от императора.

Императрица поднялась с колен, и царская чета повернулась лицом к нашей ложе, олицетворяя собою гармонию сурового могущества и грациозной красоты.

Затем император подошел к иконостасу, чтобы принять Св. Причастие. Так как русский монарх является главою Русской православной церкви, то, причащаясь в день коронации, он берет чашу из рук митрополита и причащается сам. После этого причастили императрицу, и коронавание закончилось. Шествие в том же порядке возвратилось во дворец, колокола опять звонили, послышался пушечный салют, и народ выражал криками еще больший восторг при виде коронованных государя и государыни. Достигнув Красного Крыльца, царь и царица еще раз трижды земно поклонились народу, после чего направились в самую древнюю часть дворца, в так называемую Грановитую Палату, где на высоком помосте состоялась высочайшая трапеза.

Остальные три дня празднеств оставили во мне только чувство приятной усталости. Верная традициям гостеприимства, Москва и на этот раз поразила всех своим хлебосольством. Мы танцевали на балу, данном московским дворянством. Мы были в числе восьми тысяч приглашенных на балу в Большом Кремлевском дворце. Мы завтракали в городской думе, обедали у земства и ужинали в офицерских собраниях. Мы разъезжали по улицам, на которых раздавались непрерывно музыка и пение. Мы смотрели на раздачу подарков 500 000 рабочих и крестьян на Ходынском поле. Мы отдали должное талантам повара митрополита Московского, известного искусным приготовлением постного стола. Мы принимали делегации, присутствовали ежедневно на представлениях Императорского балета, провожали иностранных принцев и принцесс при отходе их экстренных поездов, причем гости и гостеприимные хозяева еле держались на ногах от усталости.

Восемнадцатого мая император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой – Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо – Ники, Жорж, Сергей и я – делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.

– Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Ники в Успенский собор, – мечтательно сказал брат Сергей.

Ники улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой.

Глава VI

Юность и совершеннолетие

1

Десяти лет от роду я начал задумываться над своим будущим.

– Что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои дети были хорошими артиллеристами, – говаривал отец каждый раз, когда я начинал строить планы на будущее, – но, конечно, каждый из вас должен следовать своему призванию.

«Призвание» – это звучало великолепно и означало, что в день моего производства в первый офицерский чин мне будет позволено сделать самому окончательный выбор среди «подходящих» полков Императорской гвардии! Одна мысль о том, что один из нас мог бы избрать какую-нибудь другую карьеру, кроме военной, могла бы показаться нашим родителям полным абсурдом, ибо традиции дома Романовых требовали, чтобы все его члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли.

Мысль о поступлении во флот пришла мне в голову в 1878 году, когда, по счастливому недоразумению, в число наших наставников попал веселый и покладистый лейтенант – Николай Александрович Зеленый. Совершенно неспособный к роли преподавателя или воспитателя, он позволял нам делать все, что угодно, и мы проводили наши обычно столь унылые утренние часы, слушая рассказы Зеленого о привольной жизни, которую вели моряки русского военного флота. Если верить всем словам этого восторженного моряка, создавалось впечатление, что флот его императорского величества переходил от одного блестящего приключения к другому, и жизнь, полная неожиданностей, выпадала на долю каждого, кто был на борту русского военного корабля.

– Вот слушайте, – начинал обычно Зеленый, – случилось это в Шанхае...

Дальше он не мог говорить, так как его упитанное тело начинало вздрагивать от взрывов безудержного смеха. Но когда, насмеявшись вдоволь, он рассказывал нам, что же такое случилось в Шанхае, наступала наша очередь, и мы буквально катались по полу от смеха, а Зеленый хохотал до слез.

Заражающая веселость Зеленого определила мой выбор. Я начал мечтать о таинственных женщинах, разъезжающих на рикшах по узким улицам Шанхая. Я жаждал видеть волшебное зрелище индусских фанатиков, которые на заре входили в священные воды Ганга. Я горел желанием посмотреть на стадо диких слонов, которые неслись по непроходимым дебрям цейлонских лесов. Я окончательно решил сделаться моряком.

– Моряком! Мой сын будет моряком!

Матушка в ужасе смотрела на меня.

– Ты ведь еще дитя и не понимаешь того, что говоришь. Твой отец тебе этого никогда не позволит.

Действительно, отец, услышав о моем желании, сильно нахмурился. Флот не говорил ему ничего. Единственные два члена императорской фамилии, служившие во флоте, не сделали в нем, по мнению отца, никакой карьеры. На его брата-моряка Константина Николаевича смотрели как на опасного либерала. Его племянник Алексей Александрович слишком увлекался прекрасным полом.

Не имело никакого значения, что русский флот ни в малейшей степени не был виноват ни в либерализме Константина Николаевича, ни в развитии романтических наклонностей Алексея Александровича. Мои родители хотели, чтобы их сын ничем не походил ни на одного из этих родственников, служивших во флоте!

Но эти мнения родителей не изменили моего решения. В моем характере заложено значительное упорство. В конце концов, родители сдались и обещали разрешить этот сложный вопрос в течение нашего осеннего пребывания в С.-Петербурге. Они полагали, что жизнь в атмосфере двора и великолепных воскресных парадов преисполнит мое сердце желанием носить блестящую форму. Они забывали о петербургских туманах, унылых сумеречных днях, о вечной сырости и о напряженности политической обстановки. Северная столица возымела на меня как раз обратное действие, более чем что-либо обращая все мои упования в сторону моря. То, что на Кавказе являлось плодом мечтательности маленького мальчика, в С.-Петербурге сделалось необходимостью для юноши, решившего вырваться на свободу. И все же я очень сомневаюсь, удалось ли бы мне осуществить мой морской план, не явись неожиданная помощь мне со стороны нового государя. В противоположность своему отцу, император Александр III считал, что поступление его двоюродного брата на морскую службу явится хорошим примером для русской молодежи. Его дружеское вмешательство спасло меня от прозябания в душной атмосфере столицы. Я обязан Александру III самыми большими радостями моей служебной карьеры и до сих пор содрогаюсь при мысли, что я мог бы сделаться одним из тех самовлюбленных гвардейских офицеров, которые взирали на мир чрез стекла бинокля, наведенного на прелести балерин.

2

По логике и здравому смыслу, я должен был поступить в Морской корпус. Но, по заведенному обычаю, великие князья не могли воспитываться вместе с детьми простых смертных. Вот почему я стал учиться дома, под наблюдением наставника-специалиста, вероятно, самого мрачного, которого только могли разыскать во всей России. Его пригласили, чтобы подготовить меня к экзаменам, которые я должен был держать у целой комиссии профессоров. Мой наставник имел очень низкое мнение о моих умственных способностях и каждый день в течение четырех лет предсказывал мне верный провал.

– Вы никогда не выдержите экзаменов, – стало излюбленным припевом моего флотского наставника.

И как бы добросовестно я ни готовил уроки, он только качал головой, и его усталые, измученные глаза отражали тоску. Иногда я сидел ночи напролет, стараясь вы зубрить каждое слово своих учебников. А он все-таки не сдавался:

– Вы только повторяете слово в слово то, что другие нашли ценою долгих исканий, но вы не понимаете, что это значит. Вы никогда не выдержите экзаменов.

Четырехлетняя программа, выработанная им, включала астрономию, теорию девиации, океанографию, теоретическую и практическую артиллерию, теорию кораблестроения, военную и морскую стратегию и тактику, военную и морскую администрацию и уставы, теорию кораблевождения, политическую экономию, теоретическую и практическую фортификацию, историю русского и главнейших из иностранных флотов... Мои преподаватели, все выдающиеся специалисты, не разделяли мнения неумолимого наставника. Поощренный ими, я заинтересовался новыми предметами. Теоретические занятия дома сопровождались посещением военных судов и портовых сооружений. Каждое лето я проводил три месяца в плавании на крейсере, на котором плавали кадеты и гардемарины Морского корпуса. Мои родители все еще надеялись, что железная дисциплина, царившая на корабле, заставит меня в последний момент переменить решение.

Ясно помню, как я покинул нашу летнюю резиденцию в Михайловском дворце, чтобы отправиться в первое плавание. Маленькая дворцовая церковь была переполнена нашими родными, лицами свиты и дворцовыми служащими, и, когда священник по окончании молебна

дал мне приложиться ко кресту, моя мать заплакала. Слова особой молитвы «о плавающих и путешествующих» преувеличивали в ее глазах те опасности, которые ожидали ее сына.

«Ну, пойдете», – нервно сказал мой отец, и все мы поехали в Петергофский порт, откуда яхта герцога Лейхтенбергского должна была доставить меня на борт «Варяга». Ощущая на лице трепетание лент матросской фуражки и любясь своими широкими черными штанами, я кое-как попрощался с родителями. Мои мысли были далеко, лица родителей и братьев казались неясными и отдаленными. Еще здесь, в Петергофском порту, они впервые как бы отошли из моей жизни и никогда уже не играли в ней прежней значительной роли.

Я был весел, как узник в последний день тюремного заключения. И даже присутствие моего мрачного воспитателя, сопровождавшего меня во время первого плавания, не могло помешать моему счастью.

К вечеру мы прибыли в Тверминэ – маленький портовый городок на побережье Финляндии, где эскадра Морского корпуса встала на якорь. Адмирал отдал приказ, и на «Варяге» спустили паровой катер, управляемый кадетами моего возраста. Они с любопытством смотрели на меня, видимо, раздумывая, принесет ли пребывание высочайшей особы на борту их корабля лишние хлопоты и нарушение заведенного распорядка жизни. Адмирал Брилкин обратился ко мне с несколькими словами приветствия, и затем меня отвели в мою каюту.

Моим мечтам не суждено было целиком осуществиться: хотя с этого момента я и вступил в состав русского флота, меня все же отделили от остальных кадет и не позволили спать вместе с ними на нижней палубе. Вместо того, чтобы есть вместе с кадетами в их общей кают-компании, я должен был завтракать и обедать в обществе адмирала и его штаба. С точки зрения образовательной это, конечно, было преимуществом для меня, так как, бывая постоянно в обществе старших офицеров, я мог многому полезному научиться, но тогда мне это очень не понравилось. Я боялся, что кадеты будут коситься на мое привилегированное положение и не захотят со мною дружить.

Первый обед прошел напряженно. Присутствующие предпочитали молчать и бросали друг на друга предостерегающие взгляды. Прошло несколько недель, прежде чем мне удалось убедить своих подозрительных менторов, что у меня нет намерений доводить до сведения царя их обычные застольные разговоры. Я сознавал, что мне предстояла серьезная борьба. После обеда, вернувшись в свою каюту, я нашел на койке большого толстого кота. Он довольно мурлыкал и ожидал, что его приласкают. Безошибочный животный инстинкт подсказывал ему, что он встретит во мне друга, и мое сердце наполнилось бесконечной благодарностью. Эту первую ночь на «Варяге» мы провели на койке вместе, свернувшись калачиком. В моей каюте пахло свежей смолой. Плеск волны, которая ударялась о корму, действовал успокаивающе на натянутые нервы. Я лежал на спине, прислушиваясь к перезвону склянок на окружавших нас судах. Время от времени я слышал сонный голос вахтенного, кричавшего в темноту: «Кто гребет?». Я думал о новой жизни, которая начнется завтра. Я вспоминал лица кадет, которых увидел в катере, и строил различные планы о том, как бы их расположить к себе. Широкие железные перекладки над моей головой напоминали о суровой дисциплине во флоте, но детство уже приучило меня повиноваться и не ожидать поблажек. Я встал с койки, открыл чемодан и вынул иконку Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, моего святого. Теперь два друга должны были охранять мой сон – молчаливый бородатый святой и кот-мурлыка.

3

Шум уборки палубы разбудил меня на рассвете. Сперва я удивился, но потом вспомнил, что нахожусь на палубе корабля. Выглянув в иллюминатор, я увидел многочисленные катера, бороздившие поверхность моря, и вскочил с койки. Начинался интересный день. Палуба блестяла, вычищенная песком и камнем, и было просто грешно ступить по ее еще не высохшей

поверхности. Пробираясь на цыпочках, у кормы я наткнулся на группу кадет на утренних занятиях. Я остановился, придумывая соответствующее приветствие...

– Эй, вы, – крикнул мне стройный белокурый мальчик, – хорошо выспались?

Я ответил, что никогда еще в жизни я не спал так хорошо. Кадеты мало-помалу приблизились ко мне. Лед был сломан.

Меня засыпали вопросами: до которого часа мне позволяли спать дома? Сколько комнат в нашем дворце? Правда ли, что я собираюсь сделаться моряком? Часто ли я вижу государя? Правда ли то, что говорят о его физической силе? Собираются ли и другие великие князья поступить во флот?

Они жадно ловили мои ответы. Очень удивились, а потом обрадовались, узнав, что сам наследник вставал в шесть часов утра. Оказалось, что известие о моем поступлении во флот произвело в Морском корпусе сенсацию, и кадеты «Варяга» считали особой честью, что я буду плавать именно на их судне.

– Это заставит умолкнуть тех гвардейских офицеров, которые до сих пор всегда хвастались, что все великие князья служат в их полках, – веско заключил высокий кадет. – Отныне флот будет иметь своего представителя в императорской семье.

Я покраснел от удовольствия и заявил, что очень сожалею, что мне не позволили спать и есть вместе с остальными кадетами. Они уверили, что никто даже не обратил на это внимания. По их мнению, вполне понятно, что адмирал предпринял особые меры для моей безопасности.

Последовали новые вопросы:

– Сколько прислуги в Гатчине? Сколько человек обедает с императором за столом?

До восьми часов я старался удовлетворить любопытство моих новых товарищей, пока не раздался сигнал к поднятию флага.

Мы стояли в строю с непокрытыми головами, пока белый флаг с Андреевским крестом поднимался на гафеле. На безразличном лице адмирала заиграл румянец, а по моей спине пробежал холодок. В течение долгих лет службы во флоте я никогда не мог остаться равнодушным к этой красивой церемонии и не переставал во время ее волноваться. Я часто вспоминал красивые слова лаконической надписи, выгравированной французами на братском памятнике французских и русских моряков, сражавшихся в 1854 г.: «Unis pour la gloire, reunis par la mort, des soldats c'est le devoir, des braves c'est le sort»².

После церемонии поднятия флага был отдан приказ: «Всем на шлюпки!» Я был назначен на шлюпку с корвета «Гиляк» вместе с кадетами моего класса. В течение часа мы плавали под парусами, и нас учили грести. Несколько раз мы должны были пройти пред адмиралом, который за нами внимательно наблюдал. Нашим следующим уроком было поднятие парусов на корвете, причем на фок-мачте и грот-мачте работали матросы, а на бизани – кадеты. Наконец, от 10 до 11 часов был урок практического мореходства. После завтрака и короткого отдыха следовало еще четыре часа занятий. Обед подавался в 6 часов вечера. В восемь часов мы должны были быть уже в койках.

Во время занятий я не имел какого бы то ни было преимущества. Когда я делал что-нибудь неверно, мне на это указывалось с той же грубоватой искренностью, как и остальным кадетам. Объяснив мне раз и навсегда мои обязанности, от меня ожидали чего-то большего, чем от остальных кадет, и адмирал часто говорил мне, что русский великий князь должен быть всегда примером для своих товарищей. Это равенство в обращении мне очень нравилось. Я учился легко. Мое непреодолимое влечение к морю усиливалось с каждым днем. Я проводил на вахте все часы, назначенные нашей смене, находя лишь приятным провести четыре часа в обществе мальчиков, ставших моими друзьями, в непосредственной близости моря, которое катило свои волны в таинственные страны моих сновидений.

² Объединенные во имя славы, спаянные смертью – это долг солдат, это участь храбрых (*фр.*)

Мне никогда не разрешали сходить на берег без моего воспитателя, так как матушка дала строжайшие инструкции относительно сбережения моей нравственности. Мне очень часто хотелось удрать от него и последовать за моими друзьями в те таинственные места, откуда они возвращались на рассвете, пахнувшие вином, с запасом впечатлений о своих похождениях.

– Как вы провели увольнительную? – спрашивали они меня с многозначительной улыбкой.

– Очень скромно. Просто погулял с воспитателем.

– Бедняга! Мы провели время гораздо лучше. Если бы вы знали, где мы были!

Но интересоваться, где они были, – мне было также строго запрещено. Адмирал строжайше воспретил кадетам употреблять в моем присутствии «дурные слова» или же описывать соблазнительные сцены. Но мне было тогда шестнадцать лет, и природа наделила меня пылким воображением.

В течение трех месяцев мы крейсировали вдоль берегов Финляндии и Швеции. Затем мы получили приказ принять участие в императорском смотре, и это вознаграждало меня за все мои усилия. Я несказанно радовался случаю предстать в роли моряка пред государем, государыней и моими друзьями: Ники и Жоржем. Они прибыли к нам на крейсер с большой свитой, среди которой были великий князь Алексей Александрович – морской министр и будущий непримиримый противник моих реформ во флоте. Стоя в строю на своем месте, я с благодарностью смотрел на государя. Он улыбнулся: ему было приятно видеть меня здоровым и возмужавшим. За завтраком Ники и Жорж, затаив дыхание, слушали мои бесконечные рассказы о флотской жизни. Поклоны, переданные ими от моих старших братьев, которые служили в гвардии, оставили меня равнодушным. Я жалел несчастных мальчиков, запертых в стенах душевной столицы. Если бы они только знали, что потеряли, отказавшись от карьеры моряков!

4

Так провел я четыре года, чередуя свое пребывание между Михайловским дворцом в С.-Петербурге и крейсерами Балтийского флота. В сентябре 1885 г. в газетах было объявлено о моем производстве в чин мичмана флота. К большому удивлению моего воспитателя, я получил высшие отметки на экзаменах по всем предметам, за исключением судостроительства; я до сих пор не вижу смысла в желании делать из моряков военного флота инженеров-судостроителей. Поэтому я не был особенно огорчен своим скромным баллом по судостроению.

Наконец, я был предоставлен сам себе. Впервые в жизни я не смотрел на свет Божий глазами воспитателей и наставников. Однако матушка все еще продолжала считать меня ребенком, хотя самый значительный день в жизни великого князя – день его совершеннолетия – приближался.

Первого апреля 1886 года я стал совершеннолетним. В восемь часов утра фельдъегерь доставил мне форму флигель-адъютанта свиты его величества. В Петергофском дворце состоялся прием, на котором присутствовали их величества, члены императорской фамилии, министры, депутации от гвардейских полков, придворные чины и духовенство. После молебствия на середину церкви вынесли флаг Гвардейского экипажа. Государь подал мне знак. Я приблизился к флагу, сопровождаемый священником, который вручил мне два текста присяги: первый – присяги для великого князя, в которой я клялся в верности основным законам империи о престолонаследии и об учреждении императорской фамилии, и второй – присяги верноподданного. Держась левой рукой за полотнище флага, а правую подняв вверх по уставу, я прочел вслух обе присяги, поцеловал крест и Библию, которые лежали на аналое, подписался на присяжных листах, передал их министру императорского двора, обнял государя и поцеловал руку императрице. Вслед за этим мы возвратились во дворец, где нас ожидал торжественный завтрак, данный в мою честь для ближайших членов императорской семьи.

Традиции нашей семьи исключали мелодраматические эффекты, а потому никто не стал объяснять мне значения данных мною присяг. Да в этом и не было надобности. Я решил в моей последующей жизни в точности исполнять все то, чему присягнул. Тридцать один год спустя я вспомнил это решение моей юности, когда большинство из моих родственников подписали обязательство, исторгнутое у них Временным правительством, об отказе от своих прав. Я родился великим князем, и никакие угрозы не могли заставить меня забыть, что я обязался «служить Его Императорскому Величеству, не щадя живота своего до последней капли крови».

В своих очень интересных мемуарах племянник мой, германский кронпринц, рассказывает об одном чрезвычайно характерном разговоре, происшедшем 9 ноября 1918 г. между его отцом, кайзером Вильгельмом, и генералом Тренером, министром германского республиканского правительства, а тогда видным офицером генерального штаба. Вильгельм хотел знать, мог ли он рассчитывать на преданность своих офицеров. «Наверное, нет, – ответил Тренер, – они все резко против вашего величества». – «Ну а как же присяга?» – воскликнул Вильгельм II. – «Присяга? Что такое в конце концов присяга? – насмешливо сказал Тренер. – Это ведь только слово!»

Должен сознаться, что в данном случае все мои симпатии на стороне германского императора, тогда как некоторые мои родственники оказались по своим взглядам законными предшественниками генерала Тренера.

5

Достигнув двадцати лет, русский великий князь становился независимым в финансовом отношении. Обыкновенно назначался специальный опекун, по выбору государя императора, который в течение пяти лет должен был научить великого князя тратить разумно и осторожно свои деньги. Для меня в этом отношении было допущено исключение. Моряку, который готовился к трехлетнему кругосветному плаванию, было бы смешно иметь опекуна в Петербурге. Конечно, мне пришлось для достижения этого выдержать большую борьбу, но в конце концов родители подчинились логике моих доводов, и я стал обладателем годового дохода в двести десять тысяч рублей, выдаваемых мне из уделов. О финансовом положении императорской семьи я буду иметь случай говорить еще в дальнейшем. В данный момент я бы хотел лишь подчеркнуть ту разницу между 210 000 руб. моего годового бюджета в 1886 г. и 50 рублями в месяц, которые я получал с 1882 по 1886 гг. от моих родителей. До 1882 г. я вообще не имел карманных денег.

Однако благодаря строгому воспитанию, полученному мной, я продолжал и после своего совершеннолетия вести прежний скромный образ жизни. Я еще не знал женщин, не любил азартных игр и очень мало пил. Единственно, кто получил выгоду от моих новоприобретенных богатств, – это книгопродавцы. Еще в 1882 г. я начал коллекционировать книги, имевшие отношение к истории флота, и это мое пристрастие сделалось известным как в России, так и за границей. Крупнейшие книжные магазины С.-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Бостона считали своим долгом помогать мне тратить мои деньги, и тяжелые пакеты приходили ежедневно на мое имя со всех концов мира. Отец поражался, когда входил в мои комнаты, которые были переполнены тяжелыми кожаными фолиантами от пола до потолка, но не делал никаких замечаний. Его переезд с Кавказа (наместничество на Кавказе было с 1882 г. упразднено) в С.-Петербург на пост председателя Государственного совета заставил его примириться с моей службой во флоте:

– Разве ты прочтешь все эти книги, Сандро? – спокойно, но недоверчиво спросил он как-то.

– Не все. Я просто хочу собрать библиотеку, посвященную военному флоту. Такой библиотеки в России еще не имеется, и даже морской министр, когда ему нужна какая-нибудь справка по морским вопросам, должен выписывать соответствующую литературу из Англии.

Отец остался очень доволен и обещал сделать все, что было в его силах, чтобы пополнить мою коллекцию. В последующие годы он убедился, как она умножилась в сотни раз. Накануне революции эта библиотека состояла из 20 000 томов и считалась самой полной библиотекой по морским вопросам в мире. Советское правительство превратило мой дворец в клуб коммунистической молодежи, в котором из-за неисправности дымоходов возник пожар. Огонь уничтожил все мои книги до последней. Это совершенно невозможная потеря, так как в моей библиотеке имелись книги, полученные мною с большим трудом от немецких и английских агентов после долгих и упорных поисков, и восстановить эти уникальные издания не представляется возможным.

6

Мне все же не удалось избежать службы в частях петербургской гвардии, и, пока наш корвет «Рында» снаряжался в кругосветное плавание, я отбывал службу в Гвардейском экипаже. Эта часть занимала среди петербургского гарнизона неопределенное положение. Армия смотрела на нас, как на чужих. Флот называл нас сухопутными увальнями. В наши обязанности входило нести летом службу на императорских яхтах, а зимой занимать караулы во дворцах и казенных зданиях наряду с частями петербургской гвардии. Назначенный командиром первого взвода роты его величества, я проходил с моими матросами строевые занятия, занимался с ними грамотой и арифметикой, уставами и нес с ними караулы.

Раз в неделю мы должны были нести караульную службу круглые сутки, что не любили ни офицеры, ни матросы. Командир Гвардейского экипажа, адмирал старой николаевской школы, имел обыкновение неожиданно проверять нас по ночам, и это заставляло меня расхаживать по четыре часа подряд по глубокому снегу, обходя часовых и наблюдая, чтобы эти рослые молодые парни, страдавшие от холода, не задремали на часах. Чтобы самому не поддаться искушению и не заснуть, я любил в эти ночи подводить итоги тому, что я называл своим «умственным балансом». Я составлял активы и пассивы, группируя мои многочисленные недостатки под рубрикой «долги без покрытия, которые необходимо ликвидировать при первой же возможности».

Стараясь быть честным с самим собой, я пришел к заключению, что мой духовный актив был отягощен странным избытком ненависти. Ненависти к личностям и даже к целым нациям. Я старался освободиться от первой: моя вражда против отдельных личностей заключалась, главным образом, в ненависти к моим наставникам, педагогам и опекунам. А вот ненависти второго типа я долго преодолеть не мог. Не моя вина была, что я ненавидел евреев, поляков, шведов, немцев, англичан и французов. Я винил в этом православную церковь и доктрину официального патриотизма, которая вбивалась мне в голову в течение двенадцати лет учения, винил за мою неспособность относиться дружелюбно ко всем этим национальностям, не причинившим мне лично никакого зла.

До того как я вошел в общение с официальной церковью, слово «еврей» вызывало в моем сознании образ старого улыбающегося человека, который приносил к нам во дворец в Тифлисе кур, уток и всякую живность. Я испытывал искреннюю симпатию к этому человеку с добрым морщинистым лицом и не мог допустить мысли, что его праотец был Иуда. Но мой законоучитель ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил мое детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную проповедь с нетерпением отвергались: «Да, Христос заповедал нам любить наших врагов, – говаривал о. Георгий Титов, – но это не должно менять

наши взгляды в отношении евреев». Бедный о. Титов! Он неумело старался подражать князьям церкви, которые в течение восемнадцати веков проповедовали антисемитизм с высоты церковных кафедр. Католики, англикане, методисты, баптисты и другие вероисповедания одинаково способствовали насаждению религиозной нетерпимости, и равным образом антисемитское законодательство России видело главные свои основы в умонастроении высших иерархов православной церкви. В действительности евреи начали страдать от преследований в России с момента прихода к власти людей, слепое повиновение которым велениям церкви оказалось сильнее понимания ими духа великой империи.

«Русский царь не может делить своих подданных на евреев и неевреев, – писал Николай I на всеподданнейшем докладе русских иерархов, которые высказывались в пользу ограничений евреев в правах. – Он печется о благе своих верноподданных и наказывает предателей. Всякий другой критерий для него неприемлем».

К несчастью для России, способность моего деда «мыслить по-царски» не была унаследована его преемниками, и наступление моего совершеннолетия совпало с введением опасных и жестоких мер, принятых под влиянием членов Святейшего Синода. Между тем, если сравнить ограничения прав евреев, существовавшие в прежней России, с теперешним колоссальным ростом антисемитизма в Соединенных Штатах, то это сравнение окажется далеко не в пользу якобы терпимых американцев. Приведу лишь один пример. Владелец доходного дома в Петербурге никогда не посмел бы вывесить объявление, что его дом «на 100 % населен только христианами».

Таким образом, мой прежний антисемитизм объясняется влиянием на меня учения православной церкви, но это чувство исчезло, как только я понял лицемерный характер этого псевдохристианского учреждения. Мне нужно было гораздо больше усилий, чтобы решительно преодолеть в моем характере ксенофобию, посеянную в моей душе преподавателями русской истории. Их разбор событий нашего прошлого не принимал во внимание пропасть, неизменно отделявшую народы от их правительств и политиков. Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причиненный Карлом XII русским людям во время царствования Петра Великого. Полякам нельзя было простить глупость их тщеславных аристократов. Англичане были всегда «коварным Альбионом». Немцы были виноваты тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца Иосифа, монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои «враги» были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь «священной ненависти» против всех и вся.

Что мне оставалось делать? Как мог я примирить ограниченность навязанных мне воспитателем взглядов с зовами моря, которые сулили мне радости грядущих скитаний?

Бесконечные петербургские ночи медленно сменяли одна другую. В той внутренней борьбе, которая происходила в моей душе, человеческое заметно слабело перед великокняжеским.

Глава VII

Плавание великого князя

1

Еще одна зима, еще ночи размышлений. На этот раз на расстоянии тысячи верст от С.-Петербурга.

Канун рождества 1886 года. «Рында» полным ходом входит в территориальные воды Бразилии. Я стою на носу, среди молочных облаков блестит созвездие Южного Креста, и я глубоко вдыхаю аромат тропических лесов.

Склянки, пробившие четыре часа ночи, возвещают окончание вахты, данной мне в качестве последнего испытания. Внизу в кают-компаниии меня ожидают холодный ужин и графин водки.

Масло потрескивает в лампе, раздаются размеренные шаги офицера на вахте, а вокруг – тишина... Чудесная тишина военного корабля на рассвете. Полная глубокого значения. Проникнутая величием вселенной. Дарящая посвященным прозрение.

Трудно себе представить, что там где-то есть Россия, что где-то позади остались император, царская семья, дворцы, церкви, парады, казаки, величавая красота отягощенных драгоценностями женщин.

Я вынимаю из бокового кармана маленький конверт, в котором находится карточка. «Лучшие пожелания и скорое возвращение. Твой моряк Ксения». Я улыбаюсь. Она очаровательна. Когда-нибудь, может быть... Конечно, если император не будет настаивать, чтобы его дочь вышла замуж за иностранного принца. Во всяком случае, Ксении еще нет двенадцати лет.

У нас все впереди. Я только что начал кругосветное плавание, которое будет длиться три года, после чего я должен получить следующий чин. Пока же я всего только мичман. То, что я великий князь и двоюродный брат государя, ставит меня в особое положение и может вызвать неприязнь командира. На борту корабля он мой неограниченный начальник, но на суше должен становиться передо мною во фронт. Две очень элегантные дамы в одном американском баре в Париже были поражены, когда увидели, как русский «командант», внушавший им страх, вскочил при появлении в зале молодого человека без всяких отличий. Мне достаточно было намека, чтобы все общество подсело к моему столу. Но я не пошевелился.

Я был занят в Париже присмотром за Эбелингом. Мне казалось, что он опоздает на поезд в Гавр и проведет эти три года не в плавании, а за кулисами театра «Фоли Бержэр».

Эбелинг – первый лейтенант на крейсере «Рында». В день нашего отплытия он дал честное слово моей матери, что не будет спускать с меня глаз во время нашего пребывания в таких современных «Вавилонах», как Париж, Гонконг или Шанхай. Над этим обещанием у нас подтрунивали все офицеры, так как знали способность Эбелинга, что называется, «попадать в переделки». Его голубые глаза и открытое лицо вызвали доверие у моей матери, но оказалось, что те же самые его свойства были причиной более чем радушного приема во всех странах, у берегов которых бросала якорь «Рында».

– Не забывайте, что я дал слово Ее Императорскому Высочеству не спускать с вас глаз, – говорил он мне, заказывая пятую рюмку коньяку с содовой, – поэтому вы должны быть около меня, куда бы я ни шел и что бы я ни делал.

В ответ на это я усмехался. Пока что я мог противостоять искушениям Эбелинга. Рио-де-Жанейро должен был стать нашей первой экзотической стоянкой.

2

Гавань, равная по красоте лишь портам Сиднея, Сан-Франциско и Ванкувера... Седобородый бразильский император, обсуждающий грядущее торжество демократии... Тропические джунгли, хранящие в своих недрах жизнь первых дней сотворения мира... Тоненькая девушка, танцующая под звуки «Ла Палома». Эти четыре образа будут для меня всегда связаны со словом «Бразилия».

«Тот, кто отведал воды Бейкоса, вернется в Истамбул», – утверждают турки. Я с этим не согласен. Я отведал этой прославленной воды и не испытывал желания вернуться в этот вертеп европейского порока и азиатской лени. Но я бы дал многое, чтобы еще раз пережить радость при виде прекрасного Рио.

На берегу меня ожидала каблограмма из С.-Петербурга, в коей было приказание сделать официальный визит Дон Педро, императору бразильскому. Был январь – самый жаркий месяц в Южной Америке, и император жил в своей летней резиденции Петрополис, высоко в горах. Единственным способом сообщения туда был старомодный фуникулер, шедший зигзагами по высокому склону горы.

Тропические джунгли охватывали нас со всех сторон, пока мы, стоя, любовались гаванью. Далеко внизу потоки хрустально чистой воды шумели на дне пропастей и, окруженные гигантскими деревьями и кустами, были похожи на серебряных змей. Пальмы, лианы и другие гигантские растения казались переплетенными друг с другом и были в непрестанной борьбе за каждый атом воздуха и луч солнца. Мириады из них погибали на наших глазах, но им на смену нарождались новые, готовые вступить в эту борьбу за существование. Наш миниатюрный поезд медленно поднимался вверх, ломая на своем пути ветки, продираясь сквозь деревья и задевая высокую ядовитую траву, касавшуюся наших лиц. Кричали попугаи, извивались змеи, птицы неслись над нами громадными испуганными стаями, большие бабочки, цвета окружавшей нас зелени, вились высоко над нами, словно радуясь своей безопасности.

Дорога длилась три часа, что было утомительно. В течение всего пути джунгли не менялись ни на йоту. Все в них говорило о миллионах веков хаоса и о желании продолжать этот хаос и впредь.

Я дрожал с головы до ног. Только теперь я понял истинное значение слов Талмуда, утверждавшего, что нет ничего ужаснее, чем лицемерие открытого лица Создателя. Мои спутники – два юных лейтенанта с «Рынды» – перекрестились, когда мы, достигнув наконец вершины горы, увидели нашего посланника в Бразилии Ионина. Мы уже перестали верить, что в этом месте могли встретиться живые существа.

Окладистая седая борода императора Дон Педро и очки в золотой оправе делали его похожим на университетского профессора. Он сочувственно выслушал мои впечатления от джунглей. Отсутствие политических разногласий и неразрешимых конфликтов между Российской и Бразильской империями позволяло нам разговаривать непринужденно.

– Европейцы часто говорят о так называемой молодости стран Южной Америки, – сказал он не без горечи. – Но никто из них не отдает себе отчета, что мы бесконечно стары. Мы старше самого мира. От народов, живших на этом материке тысячи столетий тому назад, не осталось никаких следов, вернее, они не открыты. Но одна вещь остается в Южной Америке неизменной – это дух беспокойной ненависти. Дух этот – порождение окружающих нас джунглей, которые властвуют над нашими умами. Политические идеи сегодняшнего дня связаны с требованиями завтрашнего не чем иным, как постоянным желанием перемены. Никакое правительство не может остаться у власти продолжительное время, ибо джунгли пробуждают нас к борьбе. В данную минуту требованием дня у нас является установление демократического строя. Бразильский народ получит его. Я слишком хорошо знаю мой народ, чтобы допустить бесполезное

кровапролитие. Я устал. Пускай будущие президенты попытаются поддержать гражданский мир в Бразилии.

Несколько лет спустя Бразилия стала республикой. Дон Педро сдержал свое обещание: он добровольно и радостно отрекся, поставив своих импульсивных подданных в тупик легкостью одержанной ими победы. Память его чтут по сей день в Бразилии, и монумент, воздвигнутый по всенародной подписке, увековечивает спокойную мудрость этого доброго человека.

Мне он очень понравился, и так как он никуда не торопился, то мы провели более двух часов в его скромном, комфортабельном кабинете с широкими окнами, выходящими в большой сад, в котором щебетали бесчисленные птицы. Мы говорили по-французски. Его очень ясный, грамматически правильный, хотя слегка нерешительный стиль придавал характер дружелюбной застенчивости этой беседе между непоколебимым монархом тропических стран и представителем столь могущественного в то время царствующего дома далекого Севера. Когда я с ним прощался, он прикрепил к моей груди знаки высшего ордена Бразильской империи. Я поблагодарил его за оказанную мне честь, но высказал свое предпочтение бразильскому девятиконечному кресту в венке из роз.

Дон Педро рассмеялся:

– Орден Розы – одно из наших самых скромных отличий, – сказал он. – Почти все у нас имеют этот орден.

Ну и что же! Он лучше подходил к моим понятиям о Бразилии. Мы пошли на компромисс, и я принял оба ордена.

Остальные дни я провел в атмосфере ленивой неги на фазенде русского коммерсанта, торговавшего кофе и женатого на очень состоятельной бразильянке. Каждое утро мы ездили верхом осматривать его кофейные плантации, расположенные на нескольких квадратных милях, и импровизированный оркестр из рабов-негров услаждал наш слух игрою на особых инструментах, которых я нигде, кроме Бразилии, не видел. По вечерам после обеда мы сидели на веранде, слушая резкие шумы джунглей, которые прерывали монотонные звуки там-тамов. Мы никогда не зажигали огня, так как мириады светляков распространяли яркий свет. У жены моего хозяина в фазенде гостили две ее племянницы: молодые, высокие, стройные брюнетки. Обе казались мне красавицами. Впрочем, каждая девушка, танцующая под звуки «Ла Паломы» в тропическом саду, пронизанном мерцающим светом светляков, могла показаться красавицей молодому человеку, изысканному в туманах С.-Петербурга. Меня покорили чары старшей девушки. Возможно, что и я понравился ей и ей хотелось испытать, как влияет бразильская атмосфера на русского великого князя. Не могло быть ничего наивнее этого юношеского флирта, полного застенчивой нежности. Если эта дама еще жива, ей уже исполнилось 64 года. Я надеюсь, что она иногда вспоминает вечера 1887 года с той же нежностью, что и я.

3

Южная Африка. Беглый взгляд на голландских фермеров, изнуренных тяжелой работой. Однообразный ландшафт, вдвойне разочаровывающий человека, побывавшего в Бразилии. Роскошные летние клубы британских офицеров. Подсознательное высокомерие всесильного могущества. Частые цитаты Сесилия Родса: «Мыслить по-имперски».

И наконец, самый длинный период нашего плавания: переход из Кейптауна в Сингапур. Сорок пять дней в открытом море без намека на берег. Командир в восторге. Он ненавидит заходы в порты, когда он должен уступать свою власть лоцману. «Лоцман! Что может быть невежественнее лоцмана!». Если бы нашему командиру дали волю, он бы никогда не заходил в порт.

Сингапур. Я желал бы, чтобы какая-нибудь пресыщенная леди, пьющая чай на террасе своего красивого имения в Англии и жалующаяся на вечное отсутствие своего мужа, находя-

щегося на Востоке, имела бы возможность осмотреть Сингапур и видеть процесс добывания денег, на которые покупаются ее драгоценности, туалеты и виллы. «Бедный Фрэдди. Он все время очень много работает. Я не знаю в точности, что он делает, но это имеет какое-то отношение к этим забавным китайцам в Сингапуре!»

Китайский квартал Сингапура. Главный источник дохода Фрэдди. Каждый второй дом – курильня опиума. Развращенность на высшей степени развития. Не тот разврат, который подается на золотом блюде в европейском квартале Шанхая, но разврат в грязи и мерзости, запахи гниения, разврат голодающих кули, которые покупают свой опиум у европейских миллионеров. Голые девятилетние девочки, сидящие на коленях прокаженных. Растрепанный белый, старающийся войти в курильню опиума. Тошнотворный запах опиума, от которого нельзя отделаться. А невдалеке от этого ада – очаровательные лужайки роскошного британского клуба, с одетыми во все белое джентльменами, попивающими под сенью больших зонтов виски с содовой.

Еще одна неделя в Сингапуре, и я бы опасно заболел. Я благословлял небо, когда каблограмма Морского министерства предписала нам отправиться немедленно в Гонконг. Первого апреля – в день моего рождения – мои соплаватели-офицеры решили устроить празднование по этому поводу. Обычно мы мало пили на борту корабля, но на этот раз офицеры сочли долгом возгласить многочисленные тосты за мое здоровье и за здоровье моих родных.

Постепенно наша беседа перешла, как это бывает обычно в обществе молодых людей, на тему о женщинах. Мой «опекун» Эбелинг долго и обстоятельно рассказывал о своих новых победах в Рио-де-Жанейро и в Сингапуре. Второй лейтенант восхвалял прелести южноафриканских голландок. Остальные восемь мичманов скромно признавались, что до сих пор их принимали одинаково хорошо во всех странах. Моя невинность разжигала общее любопытство. Они имели обыкновение распространяться на эту тему с тех пор, как мы покинули Россию. Но теперь, когда мне исполнился 21 год, это казалось им прямо невероятным. Они находили это противоестественным и очень опасались за состояние моего здоровья. Я никогда не был ни лицемером, ни недотрогой. Я просто не мог привыкнуть к их манере обсуждать открыто столь интимные вещи. Моя манера держать себя лишь раззадорила их, и в течение всего перехода из Сингапура в Гонконг они только и делали, что говорили об ожидающих нас красавицах.

Эбелинг сказал мне, что очень огорчен за меня:

– Если бы вы только знали, что теряете! В чем смысл жизни без женщины? Я хочу дать вам хороший совет. Послушайте меня, в конце концов, ведь я гораздо старше вас. Вы должны непременно познакомиться с кем-нибудь в Гонконге. Я понимаю, что Сингапур произвел на вас отталкивающее впечатление и что обстоятельства сложились в Рио неблагоприятно. Но Гонконг! Женщины Гонконга! Американские девушки, – Эбелинг с восторгом поцеловал кончики своих пальцев, – лучшие в мире! Нигде нет ничего подобного. Я не согласился бы променять одну американскую девицу, живущую в Гонконге, на тысячу парижских! Будьте же умником и послушайтесь моего совета. Я знаю одно место в Гонконге, где имеются три такие американские девушки! Понимаете, я бы не повел вас в банальное, дешевое место. То, о чем я говорю, – очень уютная квартирка. Теперь дайте мне немного припомнить: там была девушка по имени Бетти. Да, ее звали, кажется, Бетти, если, конечно, я не путаю ее с одной девушкой, с которой был знаком в Шанхае. Во всяком случае, это высокая блондинка с голубыми глазами. Прелестная. Потом там была Джоанна, с темными волосами и зелеными глазами. Вы бы сошли от нее с ума. Но подождите пока, лучшее еще впереди. Пэтси! Девушка ростом в пять с половиною футов, с цветом лица... Подождите, с чем я могу сравнить ее кожу? Она не совсем белая, скорее цвета слоновой кости. А фигура... фигура! Вы, вероятно, видели в петербургском Эрмитаже статую... Как же она называется?..

Он так и не вспомнил названия этой статуи, так как познания лейтенанта Эбелинга в области достопримечательностей Эрмитажа были весьма слабы. Но так или иначе, мой покой был нарушен.

Ни один юноша моего возраста не мог бы противостоять сосредоточенным атакам моих искусителей. Накануне нашего прибытия в Гонконг я выразил согласие принять участие в их похождениях.

Войдя в квартиру в сопровождении двух наших офицеров, я был приятно поражен отсутствием той вульгарности, которую неизбежно ожидаешь увидеть в подобных местах. Комнаты были обставлены с большим вкусом. Три молодые хозяйки были прелестны, чаруя своей непринужденностью. Французы назвали бы их «дамами полусвета», хотя это слово далеко от истинного определения самой старой профессии мира.

Подали шампанское, и разговор завязался. Звук голосов всех троих был очень приятен. Они очень мило обсуждали текущие события: их несомненный ум позволял им обходиться без помощи нарочитой светскости. Цель нашего посещения не вызвала никаких сомнений, и вот наступило время, когда меня оставили наедине с самой хорошенькой из трех. Она предложила мне показать свою комнату – и то, что было неизбежно, произошло...

С этого вечера мы стали большими друзьями. Мы посещали с нею рестораны и совершали продолжительные прогулки в горы, откуда открывался великолепный вид на панораму Гонконга. Она прекрасно держала себя, говоря по правде, гораздо лучше так называемых европейских «дам общества», проживающих в Китае. Постепенно она рассказала мне историю своей жизни. Она никого не обвиняла и ни на кого не жаловалась. Жажда приключений привела ее из родного Сан-Франциско на Дальний Восток, непреодолимое желание иметь «красивые вещи» довершило остальное. Такова была жизнь: одни выигрывали, другие проигрывали, но чтобы вступить в игру, нужно было иметь какую-то точку опоры. Она говорила о мужчинах без горечи. Это были, по ее словам, трезвые звери, пьяные ангелы, проходимцы или же сорвиголовы. В ее жизни все зависело от удачи. Она любовалась картинами мимоходящей жизни, хоть и сознавала, что суতোлка жизни ее раздавила. Но ничего нельзя было сделать, чтобы изменить ее положение.

Оттенки любви бесчисленны и многообразны. Без сомнения, многие формы любви продиктованы жалостью. Мне было бесконечно грустно покидать Гонконг, и мы потом в течение года переписывались с нею. И каждый раз, когда впоследствии «Рында» возвращалась в Гонконг, я садился в рикшу и торопился к знакомому дому. Когда в 1890 году я снова посетил Дальний Восток, ее друзья сообщили мне, что она умерла от туберкулеза.

4

В кают-компании снова царил большое оживление. Как только мы бросили якорь в порту Нагасаки, офицеры русского клипера «Вестник» нанесли нам визит. Они восторженно рассказывали о двух годах, проведенных в Японии. Почти все они были «женаты» на японках. Браки эти не сопровождалась официальными церемониями, но это не мешало им жить вместе с их туземными женами в миниатюрных домиках, похожих на изящные игрушки, с крошечными садами, карликовыми деревьями, маленькими ручейками, воздушными мостиками и микроскопическими цветами. Они утверждали, что морской министр неофициально разрешил им эти браки, так как понимал трудное положение моряков, которые на два года разлучены со своим домом. Конечно, надо было добавить, что все это происходило за много лет до того, как Пьер Лоти и композитор Пуччини нашли неиссякаемый источник для извлечения доходов из душераздирающих арий мадам Кризантем и мадам Баттерфляй. Таким образом в данном случае искусство никак не могло повлиять на установление морального критерия для скитающихся по свету моряков.

В то время одна вдова – японка по имени Омати-сан – содержала очень хороший ресторан в деревне Инасса вблизи Нагасаки. На нее русские моряки смотрели как на приемную мать русского военного флота. Она держала русских поваров, свободно говорила по-русски, играла на пианино и на гитаре русские песни, угощала нас крутыми яйцами с зеленым луком и свежей икрой, и вообще ей удалось создать в своем заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы. Но кроме кулинарии и развлечений она знакомила русских офицеров с их будущими японскими «женами». За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве.

Офицеры «Вестника» дали в ее ресторане обед в нашу честь в присутствии своих «жен», а те, в свою очередь, привезли с собою подруг, еще свободных от брачных уз.

Омати-сан превзошла по этому случаю саму себя, и мы впервые за долгое время ели у нее превосходный русский обед. Бутылки водки, украшенные этикетками с двуглавым орлом, неизбежные пирожки, настоящий борщ, синие банки со свежей икрой, поставленные в ледяные глыбы, огромный осетр посередине стола, русская музыка в исполнении хозяйки и гостей – все это создавало такую обстановку, что нам с трудом верилось, что мы в Японии.

Мы с любопытством наблюдали за тем, как держали себя игрушечные японочки. Они все время смеялись, принимали участие в нашем пении, но почти ничего не пили. Они представляли собой странную смесь нежности с невероятной рассудочностью. Их сородичи не только не подвергали их остракизму за связь с иностранцами, но считали их образ жизни одним из видов деятельности, открытым для их пола. Впоследствии они намеревались выйти замуж за японцев, иметь детей и вести самый буржуазный образ жизни. Пока же они были готовы разделить общество веселых иностранных офицеров, конечно, только при условии, чтобы с ними хорошо и с должным уважением обходились. Всякая попытка завести флирт с «женой» какого-нибудь офицера была бы признана нарушением существующих обычаев. Их определенное мирозерцание не носило никаких следов западноевропейского мышления; как все обитатели Востока, они проповедовали моральную непорочность и духовную верность, которые в их глазах ценились гораздо выше физической невинности. Почти никто из европейских или же американских писателей не сумел истолковать эту черту японского рационализма. Разбитое сердце «мадам Баттерфляй» вызвало взрыв хохота в Стране восходящего солнца, потому что ни одна из носительниц кимоно не была настолько глупа, чтобы предполагать, что она могла бы остаться с «мужем» до гробовой доски. Обычно «брачный контракт» заключался с японками на срок от одного до трех лет, в зависимости от того, сколько времени находилось военное судно в водах Японии. К моменту истечения срока подобного контракта появлялся новый офицер, или же, если предыдущий «муж» был в достаточной мере щедр и его «жена» могла сэкономить достаточную сумму денег, она возвращалась обратно в свою семью.

Я часто навещал семьи моих «женатых» друзей, и мое положение холостяка становилось явно неудобным. «Жены» не могли понять, почему этот молодой «самурай» – им объяснили, что «самурай» означало по-русски «великий князь» – проводит вечера у чужого очага вместо того, чтобы создать свой собственный уютный дом. И когда я снимал при входе в их картонные домики обувь, чтобы не запачкать на диво вычищенных полов, и входил в одних носках в гостиную, недоверчивая улыбка на ярко покрашенных губах хозяйки встречала меня. «По всей вероятности, этот удивительно высокий самурай хотел испытать верность японских «жен». Или же, быть может, он был слишком скуп, чтобы содержать «жену»! – читалось в их глазах.

Я решил «жениться». Эта новость вызвала сенсацию в деревне Инасса, и были объявлены «смотрины» девицам и дамам, которые желали бы занять роль домоправительницы русского великого «самурая». Смотрины были назначены на определенный день. Напрасно я старался

избежать излишней пышности. Однако мои друзья всецело поддержали желание г-жи Оматисан дать возможность каждой девушке, которая подходила бы к намеченной роли, принять участие в конкурсе. После смотрин должен был состояться торжественный свадебный обед для всех офицеров с шести военных кораблей, стоявших в Нагасаки.

Выбор моей будущей «жены» представлял большие трудности. Все они казались одинаковыми: улыбающиеся, обмахивающиеся веерами куклы, которые с непередаваемой грацией держали чашечки с чаем. На наше приглашение их явилось не менее шестидесяти. Даже самые бывалые офицеры среди нас вставали в тупик перед таким изобилием изящества. Я не мог смотреть спокойно на взволнованное лицо Эбелинга, но мой смех был неправильно истолкован «невестами». В конце концов мое предпочтение синему цвету разрешило сомнения: я остановил свой выбор на девушке, одетой в кимоно сапфирового цвета, вышитое белыми цветами.

Теперь у меня завелся собственный дом, правда, очень скромный по размеру и убранству. Однако командир «Рынды» строго следил за тем, чтобы мы, молодежь, не слишком разленились, и заставлял нас заниматься ежедневно до шести часов вечера. Но в половине седьмого я уже был «дома» за обеденным столом в обществе миниатюрного существа. Веселость ее характера была поразительна. Она никогда не хмурилась, не сердилась и всем была довольна. Мне нравилось, когда она была одета в кимоно различных цветов, и я постоянно приносил ей новые куски шелка. При виде каждого нового подарка она выскакивала, как сумасшедшая, на улицу и созывала наших соседей, чтобы показать им обновку. Уговорить ее делать меньше шума было бы напрасным трудом – она очень гордилась великодушием своего «самурая». Она попробовала сшить кимоно и для меня, моя высокая фигура, закутанная в это японское одеяние, дала ей повод к новым восклицаниям и восторгам. Я поощрял ее любовь принимать моих друзей и не переставал любоваться, с каким серьезным достоинством эта кукла разыгрывала роль гостеприимной хозяйки. По праздникам мы нанимали рикшу, ездили осматривать рисовые плантации и старинные храмы и обычно заканчивали вечер в японском ресторане, где ей оказывалось неизменно высокое уважение. Русские офицеры называли ее в шутку «нашей великой княгиней» – причем туземцы принимали этот титул всерьез. Почтенные японцы останавливали меня на улице и интересовались, не было ли у меня каких-либо претензий в отношении моей «жены». Мне казалось, что вся деревня смотрела на мой «брак», как на известного рода политический успех.

Так как мне предстояло остаться в Нагасаки около двух лет, я решил изучить японский язык. Блестящее будущее Японии не вызывало во мне никаких сомнений, а потому я считал весьма полезным, чтобы хоть один из членов императорской фамилии говорил на языке Страны восходящего солнца. Моя «жена» предложила мне быть моей преподавательницей, и через некоторое время, несмотря на трудности японской грамматики, я научился стольким фразам, что мог поддерживать разговор на простые темы.

В один прекрасный день была получена телеграмма от государя императора с приказанием сделать официальный визит микадо. Российский посланник при японском дворе выполнял сложную программу, состоявшую из торжественных приемов, обедов и ужинов, которая должна была завершиться большим банкетом во дворце. Наш посланник был очень озабочен, так как я должен был явиться первым представителем европейских государств, которого когда-либо принимал японский император. Он объяснил мне при этом, что в своих беседах с микадо я должен буду пользоваться услугами переводчика, так как император ни на каком другом языке, кроме японского, не говорил.

Я глубокомысленно усмехнулся. Мне казалось, что мое умение говорить с микадо без переводчика явится для всех большим сюрпризом.

Жители деревни Инасса потеряли покой, когда узнали, что с ними проживает человек, которого примет сам великий микадо. Мои японские друзья теряли дар речи в моем присутствии и только подобострастно кланялись. Даже моя «жена» выглядела испуганной. Дело в том,

что в местных газетах появился мой портрет с заметкой, в которой говорилось, что русский морской офицер, проживающий уже третий месяц инкогнито в Японии, приходится двоюродным братом императору всероссийскому. Это породило в моей «жене» сомнения, должна ли она продолжать называть меня «Сан» (японское уменьшительное от Сандро) или же избрать какую-то другую, более официальную форму обращения. Пришлось подарить пятьдесят метров розово-зеленого шелка, чтобы возратить ей душевное равновесие.

В то время пост заведующего церемониальной частью при японском дворе занимал бывший камергер германского императора, а потому прием мой в Йокогаме и Токио был обставлен с большой торжественностью. С того момента, как в йокогамском порту прогремел императорский салют в 101 выстрел, в течение девяти последующих дней я перестал быть скромным мичманом с крейсера «Рында», и со мною обращались точно так же, как принимали в чопорном Потсдаме высочайших особ. Собственный поезд микадо ожидал меня в Йокогаме, и все члены правительства во главе с графом Ито, тогдашним премьер-министром, встречали меня в Токио на вокзале. Я проследовал в императорский дворец в пышном экипаже, которому предшествовал эскадрон гвардейцев в парадной форме.

Первая аудиенция у императора длилась всего несколько минут. Император и императрица приняли меня в тронной зале, окруженные блестящей свитой принцев и принцесс. Я произнес короткую речь и передал приветствие от царя. Император выразил свою радость по поводу моего пребывания в Токио и веру в русско-японскую дружбу. Обе речи были переведены переводчиком посольства. Я испытывал некоторое смущение в обществе этих людей, одетых в полную парадную форму и едва достигавших мне до плеча, и старался казаться как можно ниже ростом.

Целая неделя была посвящена осмотру достопримечательностей столицы и военным парадам; наконец приблизился вечер торжественного банкета в императорском дворце. Я сидел по правую руку от императрицы. Выждав немного, набрался храбрости, улыбнулся очень любезно и заговорил с нею по-японски. Сперва она выглядела чрезвычайно удивленной. Я повторил мою фразу. Она вдруг рассмеялась. Тогда я счел уместным выразить ей по-японски мое восхищение по поводу достигнутых Японией успехов. Это представляло большие трудности, так как я должен был вспомнить многие выражения, употребляемые в подобных случаях моими друзьями в Инассе. Императрица издала странный, горловой звук. Она перестала есть и закусила нижнюю губу. Ее плечи затряслись, и она начала истерически смеяться. Японский принц, сидевший слева от нее и слышавший наш разговор, опустил в смущении голову. Крупные слезы катились по его щекам. В следующий момент весь стол кричал и смеялся. Я очень удивился этой веселости, так как в том, что я сказал, не было и тени юмористики. Когда смех немного улегся, императрица подала знак принцу, и он обратился ко мне по-английски:

– Позвольте узнать, где Ваше Императорское Высочество изволили научиться японскому языку? – вежливо спросил он с глазами, полными слез.

– А что? Разве я плохо говорю?

– Совсем нет! Вы замечательно говорите, но, видите ли, вы употребляете особый местный диалект, который... Как бы вам это объяснить?.. Можно узнать, как долго вы уже находитесь в Нагасаки и не проживали ли в районе Инассы?

Немецкий камергер был явно скандализован, так как это был, по всей вероятности, самый веселый придворный банкет в истории Страны восходящего солнца.

– Я бы очень хотел знать, как ее зовут? – сказал премьер-министр, провожая меня до экипажа. – Я бы выразил ей от имени Его Величества высочайшую благодарность за ее блестящий метод преподавания инасского наречия. Сколько же вы, Ваше Высочество, всего взяли уроков японского языка?..

5

Так как наша главная стоянка была в Нагасаки, мы возвращались туда из наших рейсов каждые три месяца. «Рында» шла по намеченному курсу, и мы, таким образом, посетили Филиппинские острова, Индию, Австралию и различные острова, расположенные в Великом и Индийском океанах. Воспоминания об этих местах возбуждают во мне острую тоску, которая одно время была даже причиной моего намерения отказаться от титула и остаться навсегда за границей. Молуккские острова, острова Фиджи, Цейлон и Дарджилинг в Гималаях в особенности пришлись мне по сердцу.

Вспоминаю тропический рай Молуккских островов. Широкая река, катящая свои волны через пальмовые рощи. Острова Фиджи. Маленький тесный отель в Дарджилинге с бесподобным видом на величественную Канченджангу.

А вот раннее утро в джунглях Цейлона... Дождь лил всю ночь: свежесломанные ветки, специфический острый запах и глубокие следы на глинистой почве говорят о близости диких слонов. Мы медленно и осторожно продвигаемся вперед верхом. Нас предостерегают крики разведчиков-туземцев. «Осторожно! Осторожно! Они готовятся к нападению», – говорит нам английский эскорт. Я переживаю в первый раз горделивое удовлетворение, принимая участие в охоте на слона...

Я часто вспоминаю обо всем этом после революции, и мне кажется, что далекий остров где-нибудь на Тихом океане был бы самым подходящим местом для человека, жизнь которого была исковеркана колесами истории. Этими мыслями я делился с моей женой и сыновьями, но они решили остаться в Европе, которая не говорила ничего ни моему уму, ни сердцу даже в годы моей молодости. Быть может, когда-нибудь мои мечты сбудутся. Как ни грустно посетить снова места, где я был счастлив сорок лет тому назад, я твердо верю, что ни океан, ни тропические леса, ни горы мне не изменят. Изменяют только люди...

«Путешествие – это школа скептицизма», справедливо сказал Монтень. Для меня путешествие явилось «школой отучивания», ибо в каждой стране, куда по пути заходила «Рында», мне удавалось освободиться от трюизмов и банальностей, привитых мне неправильным воспитанием. Фальшь официального христианства в особенности поразила меня на Дальнем Востоке, где невежественные миссионеры имели смелость обличать священные видения, которые составляют сущность верования буддистов. Какое право мы, христиане, испытывающие животный страх перед смертью и в отчаянии рыдающие над гробом умерших близких, имели смущать душевное равновесие людей, чья безграничная вера в загробную жизнь трогательно выражается в тех чашечках с рисом, которые поставлены на могилу усопших? Каждый последний из китайцев, японцев и индусов горел огнем той веры, которая покинула христианство в день крестной смерти Спасителя и которая заставила Гёте написать его самое глубокое четверостишие:

Und so lald du das nicht hast,
Dieses: Stirb und werden!
Bist du nur ein trhber Gast
Auf der dunklen Erde.³

Народы западной цивилизации именно и являются печальными пришельцами, но там, на «нецивилизованном» Востоке, никто еще не утратил надежду на лучшую жизнь за гробом...

³ И если ты утратил веру в смерть и в воскресение, ты – печальный пришелец на этом мрачном свете... (нем.).

6

Весною 1889 года «Рында» возвратилась в Европу через Суэцкий канал и Египет. После непродолжительной остановки в Греции, где я, к большой радости, имел свидание с моей кузиной, великой княгиней Ольгой Константиновной, королевой эллинов, и в Монте-Карло, где я увиделся с родителями, братом Георгием и сестрой Анастасией, мы взяли курс к берегам Великобритании. Здесь мне пришлось быть вторично представителем государя императора, который возложил на меня обязанность передать привет английской королеве Виктории.

Так как отношения между Россией и Англией были далеко не дружественные, то я не слишком радовался возложенному на меня высокому поручению. Я уже имел случай много слышать о холодности Виктории и приготовился к худшему.

Полученное из дворца приглашение с лаконической припиской «к завтраку» только увеличило мои опасения. Личная аудиенция была тем хороша, что должна была быть непродолжительной, но перспектива участвовать в продолжительной церемонии высочайшего завтрака с королевой, известной своим недоброжелательством к России, не предвещала ничего хорошего. Я прибыл во дворец до назначенного мне времени, и меня ввели в полутемную гостиную. В течение нескольких минут я сидел в одиночестве и ждал. Наконец на пороге появились два высоких индуса: они низко поклонились и открыли двухстворчатую дверь, которая вела во внутренние покои. На пороге стояла маленькая полная женщина. Я поцеловал ей руку, и мы начали беседовать. Меня поразили простота и сердечность ее манер. Сперва мне показалось, что эта задушевность означает коренную перемену политики Великобритании в отношении России. Но объяснение этому было другое.

– Я слышала о вас много хорошего, – сказала королева с улыбкой. – Я должна вас поблагодарить за ваше доброе отношение к одному из моих друзей.

Я удивился, так как не мог вспомнить никого из встречавшихся мне лиц, которое могло бы похвастаться дружбой с ее величеством королевой английской.

– Неужели вы уже забыли его, – улыбаясь, спросила королева. – Мунчи, моего учителя хинди?

Теперь я понял причину ее теплого приема, хотя индус Мунчи никогда не говорил мне, что был учителем английской королевы. Я познакомился с ним в Агре, когда осматривал Тадж-Махал. Он высказывал очень много глубоких мыслей относительно религиозных верований индусов, и я был очень обрадован, когда Мунчи пригласил меня к обеду. Я никогда не предполагал, что то, что я отведал пищи у Мунчи, очень поднимет авторитет этого индуса в глазах высокомерных индусских раджей и что он напишет пространное письмо королеве Виктории, в котором восхвалял мою поразительную «доброту».

Королева позвонила. Дверь открылась, и на пороге появился мой друг Мунчи собственной персоной. Мы поздоровались очень сердечно, а королева радостно наблюдала за нашей беседой.

К моменту, когда завтрак был уже подан, я чувствовал себя уже совершенно свободно и был в состоянии ответить на все вопросы о политическом положении в Южной Америке, Японии и Китае. Британский народ имел полное основание гордиться этой необычайной женщиной. Сидя за письменным столом в Лондоне, королева внимательно наблюдала за изменчивой картиной жизни в далеких странах, и ее меткие замечания свидетельствовали об остром уме и тонком понимании действительности.

За столом присутствовали лишь ближайшие родственники королевской семьи и между ними принц Уэльский с супругой, будущий король Эдуард VII и королева Александра. Принцесса горячо любила свою сестру государыню императрицу Марию Федоровну, и ее присутствие и личное обаяние действовали на меня ободряюще. Она была глуховата, и я должен был

повышать голос, отвечая на ее вопросы относительно императрицы, племянников и племянниц. Я взглянул в сторону королевы, чтобы убедиться, не мешаю ли я ей своим громким голосом. Но она ободряюще кивнула мне головой: все делали точно так же, когда разговаривали с красивой принцессой Уэльской, и громче всех кричал при этом ее собственный супруг Эдуард. Если бы кто-либо посторонний вошел в столовую, в которой происходил высочайший завтрак, он мог бы подумать, что происходила пренеприятная семейная сцена.

Два дня спустя меня опять пригласили на семейный обед. С каждым днем королева оказывала мне все более и более внимания. Я встречался с королевой Викторией и потом, но встречи наши происходили в отеле «Симье» в Ницце, где королева проводила обычно каждую весну.

Для «морского волка», прошедшего почти три года в дальнем плавании, светские обязанности, выпавшие на мою долю в Лондоне, были, пожалуй, чересчур сложными. Приветствие государя императора должно было быть передано мною всем членам английской королевской семьи, что влекло за собою участие в целом ряде завтраков, чаев и обедов. Я возобновил знакомство с герцогом Эдинбургским, которого встретил в Москве на коронации в 1883 году. Он был женат на моей двоюродной сестре, великой княгине Марии Александровне, дочери Александра II. Хоть их четыре дочери были еще очень молоды, все они выказывали признаки поразительной будущей красоты. Самый строгий судья женской красоты затруднился бы решить, кому отдать пальму первенства: Мисси – ныне вдовствующей румынской королеве Марии, Даки – великой княгине Виктории Федоровне, супруге великого князя Кирилла Владимировича, Сандре – принцессе Александре Гогенлоэ-Лангенбург, или же Бэби – испанской инфанте Беатрисе.

В Лондоне я познакомился с мистером Б., одним из последних представителей исчезнувшей теперь породы эксцентричных американских миллионеров. Он жил на борту собственной океанской яхты «Леди Торффрида», которая стояла на якоре невдалеке от Лондона. Эта яхта была действительно его постоянным местожительством, так как он не покидал ее уже в течение 15 лет, проводя в одной и той же гавани от трех до пяти лет подряд. Он никогда не сходил на берег и почти никого не принимал. Русский морской агент в Лондоне очень сомневался, удастся ли мне столкнуться с мистером Б. Он полагал, что мое намерение приобрести «Леди Торффриду» приведет американца в такую ярость, что он ответит мне отборной руганью. Однако я решил попытать счастья и попросил мистера Б. принять меня.

Я нашел Б. на юте яхты в обществе значительного количества всевозможных бутылок. Он был раздражен и ворчал. Мое намерение приобрести его яхту не вызвало в нем никакого сочувствия. Я объяснил ему, что хотел бы еще раз посетить наиболее привлекательные места на Востоке, путешествуя совершенно свободно, не будучи связан расписанием пароходных рейсов. Но ввиду того, что я собираюсь отправиться в путешествие уже следующей весной, я не имею времени заказать себе яхту.

– Что же вы хотите, чтобы я делал, пока вы будете дьявольски хорошо проводить время? – раздраженно крикнул он. – Уж не думаете ли вы, что я буду спать на набережной? Или же, быть может, вы прикажете мне залезть в вонючий отель, полный людской ругляди и отвратительного шума?

Вовсе нет. Мысль превратить мистера Б. в скитальца на земле никогда не приходила мне в голову. Я просто полагал, что он согласится продать мне «Леди Торффриду» и купить себе подобную же яхту, только значительно большего тоннажа. Мои агенты к его услугам.

– Кто из нас двух богаче? – спросил он. – Я или же вы? Черт возьми, та, новая яхта, для вас слишком велика, а для меня моя яхта, по-вашему, мала, и я из-за ваших фантазий должен пожертвовать моим благородным судном!

– Видите ли, – скромно сказал я, – человек вашего калибра должен обладать большей яхтой, чем «Леди Торффрида».

Он насмешливо улыбнулся и сказал что-то в том смысле, что это соображение для него малоубедительно. Я продолжал настаивать. По-видимому, этот двухчасовой спор утомил его, потому что он заявил, что должен хорошенько над этим делом подумать. Затем он предложил мне у него погостить.

– Вы, я и эти бутылки, – и он сделал многозначительный жест в сторону стола...

В пять часов утра в следующий понедельник, когда мы оба еле держались на ногах, между нами был подписан контракт, согласно которому я становился полновластным владельцем «Леди Торфриды», а мистер Б. обязался перевезти свой винный погреб на другое судно.

– Только помните, – добавил он, грозя пальцем, – сделка будет действительной лишь в том случае, если вы пришвартуете мою новую яхту так близко к борту «Леди Торфриды», что мне не понадобится спускать шлюпку на воду. И еще одно условие: вы не имеете права называть ее впредь именем «Леди Торфрида». «Леди» остается со мною. Вы должны дать ей другое имя.

Я с готовностью согласился.

– Я решил назвать мою яхту «Тамара».

– Кто это такая?

– «Тамара» – это грузинская царица, которая имела обыкновение сбрасывать своих любовников с высоты дворцовой башни после первой же ночи.

– Милая дама! Вы ее знали лично?

– К сожалению, нет. Она умерла очень давно.

– Они все слишком рано умирают, – сказал мистер Б. и откупорил новую бутылку шампанского.

В бытность мою в Лондоне несколько лет тому назад мне попала на глаза в «Таймс» короткая заметка, которая сообщала о внезапной кончине мистера Б. на борту собственной яхты, которая по обыкновению стояла на Темзе.

Вино и все остальные излишества ускорили его конец, хотя ему исполнилось тогда уже 82 года. Как выяснилось, «Торфридой» звалась его зеленоглазая невеста, которая незадолго до свадьбы отправилась в Париж, чтобы заказать приданое. Здесь она встретила одного британского дворянина и вышла за него замуж.

Глава VIII Женитьба

1

Лето 1889 г. «Рында» стоит разоруженная и забытая в доке. Я – дома в Михайловском дворце.

Сижу в своих комнатах и скучаю. В Петербурге все осталось по-старому. Та же рутина. Три раза в день мы встречаемся с отцом в столовой. Он ест наскоро, затем спешит на заседание Государственного совета. Разговоры все те же, что и три года тому назад; те же сплетни скучающих придворных дам. Та же прислуга, ходящая на цыпочках. Даже тот же самый повар.

Что творится со мной? Что является причиной моего томления? Матушка страдает сердечными припадками. Когда мы гуляем вместе, она часто останавливается и хватается за грудь. Она, по-видимому, очень рада моему возвращению. Она мне говорит, что каждый раз очень волновалась, пока не получала известия о том, что мы прибыли благополучно в тот или иной порт Дальнего Востока. Мне так хочется ответить лаской на ее любовь, но не моя вина, что, когда в детстве мне более всего нужна была ласка матери, я ее не имел...

Я встречаюсь с Ксенией. Это уже не прежний сорванец, не «Твой моряк Ксения». Ей уже исполнилось 14 лет, и мы очень дружны.

Я бываю у Ники в лагерях в селе Капорском, где он изучает кавалерийское дело в рядах лейб-гусарского полка, которым командует великий князь Николай Николаевич. Ники живет в маленькой, для него построенной деревянной даче. Он очень доволен своим производством в офицеры, и мы с ним охотно обмениваемся впечатлениями: я – об охоте в Индии на слонов, он – о полковой жизни. Его брат, Георгий Александрович, не мог противостоять соблазну моих писем, в которых я описывал ему жизнь под тропиками, и тоже отправился в плавание.

А время идет, и эта жизнь действует на меня угнетающе. Я должен во что бы то ни стало уехать.

– Пора... Поднимем якорь. Эта страна нам надоела...

Мы отправляемся с братом Михаилом в Париж на Международную выставку.

Париж... Толпы иностранцев и провинциалов, глазеющих на только что выстроенную Эйфелеву башню и на прочие выставочные диковинки. Двадцать тысяч мэров Франции подают бесплатный обед на Марсовом поле, боясь оставить недопитой бутылку вина или непробо-ванным какое-нибудь пирожное. Вся эта сутолока мне быстро надоедает.

Мы едем в Биарриц, где наш брат Георгий оправляется от недавней болезни. Океан, песок и закаты солнца...

Вечера, полные ленивой неги... Легкий флирт с двумя красивыми русскими барышнями, с которыми мы никогда бы не могли встретиться в Петербурге, ибо они – «не нашего круга». Я вспоминаю Мунчи и индийских набобов. Мне опять скучно.

– Посмотрите на нашего Будду, – подтрунивает брат Михаил, – ему в цивилизованном обществе не по себе.

Новое прозвище льстит моему самолюбию, хотя и не делает большой чести божественному учителю.

Снова Петербург... «Блестящий зимний сезон». Большой бал в Зимнем дворце и целая серия балов в великосветских домах. Я считаю дни, которые отделяют меня от весны, когда мистер Б. обещал прислать мою яхту в Россию. На балах я танцую только с Ксенией.

Слава богу, «Тамара», наконец, прибыла. Ее гордые очертания вырисовываются у пристани за Николаевским мостом. Я устраиваю на борту завтрак для моих родных.

– Сандро, – говорит отец, – ты с ума сошел! Ты собираешься отправиться в кругосветное путешествие на этой скорлупке!

Отец мой никогда не понимал притягательной силы моря. Мы, конечно, говорили с ним на разных языках. Только государь император, любящий морское дело, хвалит «Тамару». Каждое лето он плавает в водах Финского залива на своей великолепной «Царевне». Этим летом он выразил пожелание, чтобы я на «Тамаре» сопровождал его в плавании.

Наступают блаженные дни. Нас окружает строгая красота шхер. Я обедаю в семье государя, сидя рядом с Ксенией. Это недели отдыха государя. По вечерам мы играем в глупую карточную игру, которая называется «Волки».

В сентябре я прощаюсь с Петербургом по крайней мере на два года. «Тамара» гордо спускается по Неве, имея целью... берега Индии. Я убедил брата Сергея меня сопровождать. Мы должны были встретиться в одном из портов Дальнего Востока с цесаревичем Георгием, который совершает кругосветное путешествие.

Адмиралтейский шпиц становится все тоньше... Мое сердце бьется все радостнее...

2

Сама судьба была против нас. Едва мы прибыли на Дальний Восток, как начали приходить из дома дурные вести. Во-первых, брат Михаил женился на прелестной, но не принадлежавшей, однако, ни к одной из царствовавших фамилий девушке и возбудил этим против себя гнев государя и всей семьи. Потом заболел Георгий Александрович. Доктора нашли у него туберкулез обоих легких, что потребовало его немедленного отъезда на Кавказ в Аббас-Туман. И, наконец, в то время, когда мы путешествовали по Индии, пришло известие о смерти нашей матери. Она умерла от разрыва сердца, заболев в поезде по дороге в наше имение в Крыму Ай-Тодор, где каждое деревцо, каждый цветок были посажены под ее наблюдением. Оставив «Тамару» в порту Бомбея, мы пересели на быстроходный пассажирский пароход и поспешили обратно в Россию. С тех пор моя нога не ступала больше на священную почву Индии.

Михайловский дворец был полон глубокой скорбью. Отец бесцельно бродил из одной комнаты в другую. В течение долгих часов он сидел безмолвный, куря одну за другой толстые сигары и пристально глядя вдоль длинных полуосвещенных коридоров, как бы ожидая услышать оттуда ласковый голос матушки, который бы напомнил ему, что нельзя курить в гостиной. Он упрекал Михаила за его женитьбу, так как видел в ней причину обострения болезни матери, и не мог себе простить, что отпустил ее одну в Крым.

Отцу исполнилось 59 лет. Скоропостижная смерть его верной подруги напомнила ему о собственных годах. Смыслом всей его жизни были Кавказ и его жена. После того как завистливые люди и воля Всевышнего отняли у него и то, и другое, жизнь потеряла для него всякий интерес. Конечно, оставались дети, нас было семеро, но мы выросли в преклонении пред отцом, как пред человеком сильной воли и долга, бывшим для нас олицетворением великолепной эпохи императора Николая I. Говоря о нем, мы называли отца между собою Михаилом Николаевичем; беседа с ним, мы взвешивали каждое слово и сдерживали свои чувства. Наши сердца разделяли его скорбь, но мы не знали, как выразить ему словами наши симпатии. Мы сидели молча около него, и в моих ушах звучали слова Библии: «И так сидели они с ним на земле семь дней и семь ночей, и никто не говорил ему ни слова, так как они видели, что горе его безмерно».

В те дни Петербург показался мне более чем когда-либо ненавистным. Я выпросил у государя должность в Черноморском флоте и был назначен вахтенным начальником на броненосец «Синоп». В течение двух лет я очень много работал там и только раз взял в феврале 1892 года отпуск на две недели, чтобы навестить Георгия Александровича в Аббас-Тумане. Он жил там в полном одиночестве, и единственным его развлечением было сметать снег с крыши

домов. Доктора полагали, что холодный горный воздух подействует на его легкие благотворно. Мы спали в комнате при открытых окнах при температуре десять градусов ниже нуля, под грудой теплых одеял. Георгий Александрович знал о моей любви к его сестре Ксении, и это в соединении с нашей старой дружбой и общим интересом к военному флоту сблизило нас как братьев. Мы без устали беседовали, то вспоминая детство, то стараясь разгадать будущее России и обсуждая характер Ники. Мы надеялись, что император Александр III будет царствовать еще долгие годы, и оба опасались, что полная неподготовленность Ники к обязанностям венецианца явится большим препятствием к его вступлению на престол в ближайшем будущем.

Той же весной 1892 года меня перевели на Балтийский флот. Государь выразил свое полное удовлетворение по поводу моих служебных успехов. После двухмесячного командования миноноской «Ревель» в сто тонн я был назначен командиром минного отряда в двенадцать миноносцев. Во время летнего морского смотра я получил приказ «атаковать» крейсер, на котором находился государь император. Я еще никогда не испытывал такого полного удовлетворения, как во время этой операции, и атаковал с громадным мужеством и решимостью. Морской министр поздравил меня «с блестяще проведенной операцией», а дома меня ждал самый большой триумф: мой сумрачный наставник, который десять лет назад предсказывал мне полную неудачу на флотской службе, прислал мне письмо, в коем писал, что я сделал большие успехи, чем он ожидал, и он надеется, что со временем я стану хорошим морским офицером.

В январе 1893 года один из наиболее новых русских крейсеров «Дмитрий Донской» должен был, возвращаясь из Китая, отправиться в Соединенные Штаты, чтобы поблагодарить американцев за оказанную ими минувшим летом во время недорода на юго-востоке России продовольственную помощь. Для меня представился единственный случай посетить страну моих юношеских мечтаний. Я решил просить об откомандировании меня на «Дмитрий Донской», но так как я должен был ходатайствовать об этой милости лично у государя, то я полагал, что могу просить его еще кое о чем. Это «кое-что» было рукою его дочери великой княжны Ксении.

Император принял меня с обычной сердечностью. Взрослый офицер, я был для него все тем же «маленьким кузенком» Сандро, который когда-то играл с его сыновьями, Ники и Жоржем, в садах Ливадийского дворца.

– У тебя какой-то секрет, – с улыбкой спросил он меня. – Разве ты не видишь меня достаточно часто дома, чтобы тебе понадобилась официальная аудиенция?

Признаюсь, что я высказал причину моего визита не слишком красноречиво. Пристальный, слегка насмешливый взгляд государя лишал меня всякого мужества. Я заикался и бормотал. Фразы, которые звучали так красноречиво, когда я произносил их пред собой дома, не производили в этом маленьком уютном кабинете, наполненном портретами и картинами, ожидаемого эффекта.

– Дело относительно перевода на крейсер «Дмитрий Донской» обстоит весьма просто, – решил государь после минутного размышления. – Мне кажется, что будет очень хорошо, если представитель нашей семьи передаст мою личную благодарность президенту Соединенных Штатов. Что же касается твоей просьбы руки Ксении, то мне кажется, что до меня ты должен был переговорить с нею.

– Я уже говорил с нею, и мы решили, что я должен просить у Вашего Величества аудиенции.

– Понимаю. Ну что же, принципиально я не против этого. Я тебя люблю. Если ты любишь Ксению и она тебя любит, то я не вижу никаких препятствий, чтобы вам пожениться. Но придется немного подождать, императрица не хочет, чтобы Ксения выходила слишком рано замуж. Мы окончим этот разговор не ранее чем через год.

Я горячо поблагодарил государя и бросился к Ксении, чтобы сообщить ей результат нашего разговора. Мы надеялись получить согласие императрицы ранее чем через год.

Я отправился в Америку со спокойным сердцем.

3

Мне исполнилось ровно 27 лет в тот туманный весенний день, когда крейсер «Дмитрий Донской» бросил якорь в Гудзоновом заливе.

Официально я приехал выразить благодарность президенту Соединенных Штатов Кливленду от имени Александра III за помощь, оказанную Соединенными Штатами России во время неурожая. Неофициально я хотел бросить взгляд на эту страну будущего и надеялся, что она определит мою судьбу.

Всемирная выставка должна была открыться приблизительно ко времени нашего прибытия, и вся страна находилась в большом напряжении. Никогда еще до того времени столько наций не посылали своих флотов к берегам Соединенных Штатов. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Россия, Австро-Венгрия, Аргентина – все были представлены на блестящем международном смотре в Нью-Йоркском порту в мае 1893 года.

Посещение испанской инфанты Евлалии явилось сенсацией выставки. Император Вильгельм послал самого выдающегося дипломата Германии фон Бюлова для противодействия этой «испанской интриге». Шотландские горцы играли на волынках, а французы были представлены специальным оркестром республиканской гвардии. И тот факт, что все великие державы боролись за расположение и дружбу Соединенных Штатов, был весьма знаменателен. Однажды жаркой июльской ночью, проезжая по разукрашенной 5-й авеню в резиденцию Джона Астора и глядя на ряды освещенных домов, я внезапно ощутил приближение новой эпохи.

Так вот она, страна моей мечты! Трудно было поверить, что всего 29 лет назад здесь царил ужас братоубийственной войны. Напрасно искал я следы того страшного прошлого – на улицах царили веселье и благополучие.

Я думал о моем деде, дяде и двоюродном брате. Они управляли государством, которое было больше и богаче этой новой страны, наталкиваясь на те же самые проблемы: громадное население, включающее в себя несколько десятков национальностей и вероисповеданий, колоссальные расстояния между промышленными центрами и районами земледелия, которые требовали железнодорожных линий большого протяжения, и так далее. Трудности, стоявшие перед американским правительством, были не меньше наших, но наш актив был больше. Россия имела золото, медь, уголь, железо; ее почва, если бы удалось поднять урожайность русской земли, могла прокормить весь мир. Чего же не хватало России? Почему мы не могли следовать американскому примеру? Нам не было решительно никакого дела до Европы, и у нас не было никакого основания подражать европейским нациям, которые были вынуждены прибегать к соответствующим методам управления в силу своей бедности.

Европа! Европа! Это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет.

Здесь, на расстоянии четырех тысяч миль от европейских петушиных боев, взору наблюдателя являлся живой пример возможностей страны в условиях, сходных с российскими. Нам следовало вложить только немного здравого смысла в нашу политику.

И тут же, в те несколько минут, пока длилась моя прогулка в этот вечер, в голове моей созрел широчайший план американизации России.

Меня увлекали молодость и жизнь. Было радостно думать и повторять снова и снова, что старый, залитый кровью девятнадцатый век близится к концу, оставляя арену свободной для новой работы грядущих поколений. Таковы были мои переживания в ту достопамятную ночь, и на эту тему были мои разговоры за столом у мистера Астора.

Хозяин и его друзья посмотрели на меня удивленно. Разве я не прочел утренних газет? Неужели я не знаю печальных новостей?

Компания «Нэшионэл Кэрдэдж» перестала платить по векселям, что, в свою очередь, заставило фирму «Генри Оллен», а также других биржевых игроков прекратить свои платежи.

– Черт знает, что происходит на бирже, – сказал мистер Астор. – К сожалению, должен сознаться, что вся наша страна находится на краю пропасти...

Один господин, весьма известный своей компетентностью в области финансов, попросил номер одной из главных нью-йоркских газет и протянул его мне.

– Пожалуйста, – веско сказал он, – взгляните на эту пессимистическую передовицу. Она вам облегчит понимание того, что теперь происходит в Соединенных Штатах. Что касается меня, то я считаю долгом просить своих клиентов воздержаться от каких бы то ни было биржевых операций.

Это происходило 13 июня 1893 года.

Трагический экземпляр этой газеты до сих пор находится в моих руках. Его листы пожелтели и едва держатся, но зловещие строки еще видны.

Финансовый кризис, депрессия производства, продажная политика, рост преступности, падение морали, оскорбительные замечания заезжих англичан, смерть серьезной литературы, введение театральной цензуры, плохая игра любимой бейсбольной команды – в этом номере газеты нет, кажется, ни одного сообщения, которое бы не убеждало: жизнь кончается, крах Америки неминуем.

И так – в каждом номере. Для меня это – хороший показатель. Когда мои друзья выражают страх за будущее Соединенных Штатов, я читаю им газету от 13 июня 1893 г. и советую решить самим, стоит ли им беспокоиться о переживаемых в тот момент затруднениях и не имели ли они прецедентов в истории.

Моя первая поездка в Америку научила меня нескольким полезным вещам. Я понял, что нельзя поддаваться панике, что конец света будет не завтра. Я понял также преимущества социальной и классовой подвижности общества и возжаждал провести такую же реформу у себя на родине.

В конце лета я должен был вернуться в Россию. Но я дал себе слово, что в ближайшем будущем непременно навещу Соединенные Штаты еще раз.

4

– Когда же твоя свадьба? – спросил меня отец, когда я возвратился в С.-Петербург.

– Я должен ждать окончательного ответа их величеств.

– Находиться в ожидании и путешествовать – вот, кажется, две вещи, которые ты в состоянии делать, – нетерпеливо сказал отец. – Это становится уже смешным. Ты должен, наконец, создать свой семейный очаг. Прошел целый год с тех пор, как ты говорил с государем. Пойди к его величеству и испроси окончательный ответ.

– Я не хочу утруждать государя, чтобы не навлечь его неудовольствия.

– Хорошо, Сандро. Тогда мне придется самому заняться этим делом.

И не говоря ни слова, отец отправился в Аничков дворец, чтобы переговорить с государыней окончательно, оставив меня в состоянии крайнего волнения. Я знал, что отец мой обожает великую княжну Ксению и сделает все, что в его силах, чтобы получить согласие ее царственных родителей на наш брак. Но я знал также и императрицу. Она не переносила, чтобы ее торопили или ей противоречили, и я опасался, что она сторяча даст отрицательный ответ и отретжет возможность дальнейших попыток.

Я помню, что сломал в своем кабинете по крайней мере дюжину карандашей, ожидая возвращения отца. Мне казалось, что с тех пор, как он ушел, прошла целая вечность.

Вдруг раздался звонок в комнате его камердинера, и вслед за тем я услышал знакомые твердые шаги. Он никогда не поднимался быстро по лестнице. На этот раз он поднимался прямо бегом. Лицо его сияло. Он чуть не задушил меня в своих объятиях.

– Все устроено, – сказал он входя, – ты должен отправиться сегодня к Ксении в половине пятого.

– Что сказала императрица? Она рассердилась?

– Рассердилась? Нет слов, чтобы описать ее гнев. Она ужасно меня бранила. Говорила, что хочу разбить ее счастье. Что не имею права похитить у нее дочь. Что она никогда не будет больше со мною разговаривать. Что никогда не ожидала, что человек моих лет будет вести себя столь ужасным образом. Грозил пожаловаться государю и попросить его покарать все наше семейство.

– Что же ты ответил?

– Ах – целую уйму разных вещей! Но к чему теперь все это. Мы ведь выиграли борьбу. А это главное. Мы выиграли – и Ксения наша.

Его адъютант, который завтракал с нами, говорил потом, что никогда еще не видел великого князя Михаила Николаевича в столь приподнятом настроении.

– Я не знаю, – прошептал мне этот офицер за столом, – кто из вас двоих собирается жениться?

Если посторонний в этот день наблюдал за нашим поведением, то выходило, что счастливым женихом был мой отец, так как, пока он произносил свои тирады, я сидел неподвижно, будучи не в состоянии что-либо проглотить. Получив после столысих лет робкой надежды согласие на брак с Ксенией, я был буквально ошеломлен той внезапностью, с которой мечты мои превратились в действительность. И потом, я не мог отделаться от мысли о моем брате Сергее. Ведь он был также влюблен в великую княжну Ксению. По взаимному уговору, мы никогда не упоминали в наших разговорах ее имени, но как отнесется теперь он к факту нашей помолвки? Он не мог обвинять меня в чем-либо, так как Ксении принадлежало право выбора между нами, и она предпочла меня, но я сознавал, что с сегодняшнего дня наши братские отношения коренным образом изменятся. Я жалел Сергея и хотел, чтобы что-нибудь облегчило его душевные страдания, но принести в жертву свою любовь к Ксении я, по совести говоря, не мог.

В четверть пятого я входил в ограду вестибюля Аничкова дворца – долее я ждать был не в состоянии. Взглянув на рослого гвардейца, стоявшего на часах, я покраснел. Мне казалось, что все уже знают о моем счастье. Чтобы не видеть казачка при подъемной машине, я стал медленно подниматься по длинной лестнице.

Гоф-фурьер Ксении Александровны Березин сидел на стуле и читал газету.

– Доложите, пожалуйста, обо мне Ее Императорскому Высочеству.

Березин удивленно посмотрел на меня. Такая официальность была для него новостью – я всегда входил без доклада. Он улыбнулся, или же мне это так показалось, и повел меня в салон великой княгини. Еще вчера мы пили веселой компанией чай в этой чудесно обставленной комнате, но сегодня мне уже все казалось другим. Я стоял и смотрел на дверь в спальню Ксении.

– Как странно, – подумал я, – что она так долго не идет...

И вдруг она вошла с опущенными глазами, в простой белой шелковой блузе и синей юбке. Она остановилась у окна в выжидательной позе. Я взял ее за руку и повел к двум мягким креслам. Мы говорили почти шепотом, и мне казалось, что мы говорили одновременно. Раньше мы обменивались поцелуями, но это были поцелуи кузенов. Теперь я поцеловал ее как будущий супруг...

– Пойдем к папа и мама, – сказала Ксения. – Будь осторожнее с мама. Она еще сердится. Она прямо хотела уничтожить твоего отца за его настойчивость добиться ее согласия.

Я рассмеялся. В этот момент я был готов бороться против всех императриц мира.

Стараясь выглядеть не рассерженной, императрица поцеловала меня и сказала:

– Я не должна была бы тебя целовать. Ты ведь отнимаешь у меня дочь. Но что я могу поделать? Пожалуйста, передай своему отцу, чтобы он, по крайней мере, в течение года не показывался мне на глаза.

Император приветливо кивнул мне. Он уже успел позвонить по телефону моему отцу, прося немедленно прибыть в Аничков дворец. И через пять минут главный виновник происшествия вошел в салон императрицы, невозмутимо улыбаясь. Александр III отдал приказание прислуге предупредить всех членов императорской фамилии о том, что сегодня в половине девятого состоится обед, на котором будет объявлено о нашей помолвке.

За столом Ксению и меня посадили рядом. Государь выглядел довольным, и царило приподнятое настроение. После ряда тостов, поздравлений и родственных поцелуев я взглянул на Сергея. Он мне улыбнулся. Он понимал мои опасения и не хотел омрачить нашего счастья. Его лицо не выдавало внутренних страданий – он проявил полное самообладание.

5

День нашей свадьбы был назначен на конец июля. Я попробовал протестовать против этой отсрочки почти что в шесть месяцев, но меня попросили помолчать и лишь молить Провидение, чтобы портнихи успели к тому времени сшить приданое Ксении. Мы должны были провести наш медовый месяц в моем любимом Ай-Тодоре, который матушка оставила мне по духовному завещанию. Мой старый друг, поручик Шателэн, взял на себя заботу по приведению дома в надлежащий для нашего приема вид. В мои холостые годы я никогда не заботился об Ай-Тодорском дворце. Вступая в брак, я должен был привести все в порядок. Две придворные дамы, заведующий моим двором и мой личный адъютант – вот то минимальное количество лиц, которые должны были нас сопровождать. Меньшее число свидетелей нашего счастья могло бы вызвать неудовольствие министра императорского двора.

В начале мая Ксения и я сопровождали императрицу в Аббас-Туман. Предстоящая свадьба дочери обостряла еще более ее горе по поводу болезни любимого сына Георгия. Он был очень рад нас видеть, но его бледное, болезненное лицо говорило об ухудшении роковой болезни. Мы провели четыре недели вместе, катаясь в горах, устраивая пикники, смеясь шуткам молодости и танцуя. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы подбодрить Жоржа. Он же слабел с каждым днем, и у него было предчувствие, что он никогда уже более не увидит Петербурга. Наше веселое настроение не могло его обмануть. Вид двух здоровых, счастливых людей, вероятно, доставлял ему лишь страдания, хоть внешне он оставался все тем же благородным, добрым и преданным мне Жоржем. Я считал неуместным строить при нем планы на будущее, прислушиваясь к его тяжелому, неровному дыханию. Мы занимали смежные комнаты, и когда я ложился в постель, то не мог заснуть и задыхался от горечи и сознания собственного бессилия. В чем смысл нашей жизни, если ничто в мире не в состоянии спасти Жоржа?

В июне мы прибыли на борт «Царевны», на которой плавал в финских водах государь. За наше отсутствие он очень похудел и жаловался на значительное утомление. Доктора, эти всегда оптимистически настроенные лейб-медики, говорили, что недомогание государя – последствие его усиленных трудов. Они предписали отдых и свежий воздух. Зачарованные его богатырским сложением, они просмотрели смертельный недуг почек.

Как и в предыдущие годы, мы посетили наши любимые места, удили рыбу, принимали гостей и играли в «волков». Двадцатого июля мы возвратились в столицу, чтобы посетить выставку приданого, которая была устроена в одной из дворцовых зал.

Платья – утренние для прогулок, послеполуденные, вечерние и парадные.

Пальто – зимние, весенние, летние и осенние.

Меховые пальто и накидки – из горносталя, шиншиллы, бобра, норки, каракуля и котика.

Чулки, перчатки, зонтики и горы других предметов неизвестного для меня названия и назначения.

Несколько столов, заставленных дюжинами комплектов белья.

Серебряный столовый набор на 96 персон. Золотой туалетный набор из 144 предметов, бесчисленное количество посуды – каждого предмета по восемь дюжин.

Драгоценности – жемчужное кольцо в пять рядов, бриллиантовое, рубиновое, изумрудное, сапфировое; диадемы из рубинов и изумрудов; браслеты из брильянтов и изумрудов; брильянты, крепящиеся на платье, и т. д.

Все это стоило баснословных денег, но нас тогда восхищала красота драгоценностей, а не их цена.

В конце зала стоял стол с приданным жениха. Я не ожидал, что обо мне тоже позаботятся, и был удивлен. Оказалось, однако, что, по семейной традиции, государь дарил мне известное количество белья. Среди моих вещей оказались четыре дюжины дневных рубах, четыре ночных и т. д. – всего по четыре дюжины. Особое мое внимание обратили на себя ночной халат и туфли из серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата.

– Этот халат весит шестнадцать фунтов, – объяснил мне церемониймейстер.

– Шестнадцать фунтов? Кто же его наденет?

Мое невежество смутило его. Церемониймейстер объяснил мне, что этот халат и туфли, по традиции, должен надеть новобрачный перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены. Этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала нашего венчания наряду с еще более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. Мне не оставалось ничего другого, как вздохнуть и подчиниться. Дом Романовых не собирался отступать от выработанных веками традиций ради автора этих строк.

Сутки полного одиночества и бессильных проклятий по адресу охранителей традиций, и наконец долгожданный день наступил. Наша свадьба должна была состояться в той же церкви Петергофского Большого дворца, в которой я присягал в день моего совершеннолетия. Эта церковь была избрана мною ввиду моей суеверной неприязни к столице.

За обрядом одевания невесты наблюдала сама государыня при участии наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были уложены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона.

Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна и все великие княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на ее голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на груди.

Наконец мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам государь император вел Ксению к венцу. Я следовал под руку с императрицей, а за нами вся остальная царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что «хор пел божественно». Я же был слишком погружен в свои мысли о предстоящем свадебном путешествии на Ай-Тодор, чтобы обращать внимание на церковную службу и пение придворных певчих.

Когда я был еще ребенком, моя матушка приобрела Ай-Тодорскую полосу земли на южном берегу Крыма. Я и Ай-Тодор выросли как бы вместе. С годами Ай-Тодор превратился в цветущий уголок, покрытый садами, виноградниками, полянами и прорезанный по берегу бухтами. На берегу был выставлен маяк, который позволял нам ориентироваться на море в туманные ночи. Для нас, детей, этот ярко сиявший сноп света Ай-Тодорского маяка стал символом счастья. Я думал о том, будет ли Ксения это чувствовать так же, как и мои братья, в течение этих двадцати лет.

Мы возвращались во дворец в том же порядке, с тою лишь разницей, что я поменялся местом с государем и шел впереди под руку с Ксенией.

– Я не могу дожидаться минуты, когда можно будет освободиться от этого дурацкого платья, – шепотом пожаловалась мне моя молодая жена. – Мне кажется, что оно весит прямо пуды. Как бы я хотела поскорее встать из-за стола. Посмотри на папа – он совсем без сил...

Все мы видели, каким утомленным выглядел государь, но даже он сам не мог прервать ранее положенного часа утомительный свадебный обед.

Только в 11 часов вечера мы могли переодеться и уехать в придворных экипажах в пригородный Ропшинский дворец, где должны были провести нашу первую брачную ночь. По дороге нам пришлось переменить лошадей, так как кучер не мог с ними справиться.

Ропшинский дворец и соседнее село были так ярко иллюминированы, что наш кучер, ослепленный непривычным светом, не заметил маленького мостика через ручей, и мы все – три лошади, карета и новобрачные – упали в ручей. Ксения упала на дно экипажа, я на нее, а кучер и камер-лакей упали прямо в воду. К счастью, никто не ушибся, и к нам на помощь подоспела вторая карета, в которой находилась прислуга Ксении. Большая шляпа Ксении со страусовыми перьями и пальто, отделанное горностаем, были покрыты грязью, мои лицо и руки были совершенно черны. Князь Вяземский, встречавший нас при входе в Ропшинский дворец, как опытный царедворец, не проронил ни слова...

Нас оставили одних... Это было впервые со дня нашего обручения, и мы едва верили своему счастью. Может ли это быть, что никто не помешает нам спокойно поужинать!

Мы подозрительно покосились на двери и затем... расхохотались. Никого! Мы действительно были совсем одни. Тогда я взял ларец с драгоценностями моей матери и преподнес его Ксении. Хотя она и была равнодушна к драгоценным камням, она все же залюбовалась красивой бриллиантовой диадемой и сапфирами.

Мы расстались в час ночи, чтобы надеть наши брачные одежды. Проходя в спальню к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного султана в последнем акте...

На следующее утро мы возвратились в С.-Петербург для окончания свадебного церемониала, который заключался в приеме поздравлений дипломатического корпуса в Зимнем дворце, в посещении усыпальницы наших царственных предков в Петропавловском соборе и поклонении чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого. На вокзале нас ожидал экстренный поезд. Быстро промчались семьдесят два часа пути, и новая хозяйка водворилась в Ай-Тодоре. Здесь мы строили планы на многие годы вперед и рассчитывали прожить жизнь, полную безоблачного счастья. Кто мог думать в этот бледно-синий июльский вечер в 1894 году, что только три месяца отделяют нас от самой страшной катастрофы в истории Российской империи. Кто мог предвидеть, что Александр III умрет в возрасте 49 лет от роду, оставив незавершенным свой монарший труд и вручив судьбу шестой части мира в дрожащие руки растерявшегося юноши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.